

ДЕНИС ГЕРБЕР

ЗАБЛУДШИЕ

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

Сибирский приключенческий роман

Денис Гербер

Заблудшие

«ВЕЧЕ»

2018

Гербер Д. В.

Заблудшие / Д. В. Гербер — «ВЕЧЕ», 2018 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7723-2

Восточная Сибирь, середина XIX века. У подножия Саянских гор строится православный скит – в будущем знаменитая Нилова пустынь. Однако живут в тех краях не только монахи. В горах и лесистых предгорьях обитают буряты-охотники, беглые каторжники и прочий лихой люд. Юный послушник Никита отправляется в горы, чтобы исполнить таинственное поручение отца Зосимы, настоятеля Ниловой пустыни, а заодно и найти ответы на вопросы о том, зачем человеку даются испытания, как их преодолеть, как остаться человеком, находясь на грани жизни и смерти...

ISBN 978-5-4484-7723-2

© Гербер Д. В., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Заблудшие	6
Часть 1. Отшельник	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Гербер Заблудшие

* * *

© Гербер Д. В., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Заблудшие

В каждом из нас есть что-то от Одиссея, когда мы ищем самих себя, надеемся дойти до цели и тогда уж точно вновь обрести родину, свой очаг, снова найти себя. Но, как в лабиринте, в каждой скитаниях существует риск заблудиться. Если же тебе удастся выйти из лабиринта, добраться до своего очага, тогда ты становишься другим.
Мирча Элиаде «Испытание лабиринтом»

Часть 1. Отшельник

Глава 1

Деревья не умирают от старости. Как и люди, они погибают от болезни, с которой не в силах совладать. Об этом Никите рассказал один знахарь. Сосну убивает серянка или корневая губка, кедр гибнет от ржавчинного гриба. Но прежде чем умереть, дерево расцветает, иногда плодоносит – ему хочется оставить после себя след. Жизнь в растении кипит из последних сил, пока не наступает конец. Затем хвоя или листва осыпается, кора сползает со ствола, как опаренная кожа. Но и умершее дерево не падает, оно продолжает стоять на иссохших корнях, будто памятник самому себе.

Лес, через который шёл Никита, состоял из таких умерших деревьев. Это был лес-покойник, усопший много лет назад, ещё до рождения мальчика. Отовсюду тянулись деревянные руки, лопнувшие длинными трещинами вдоль волокон. И вокруг, куда ни глянь, никаких следов жизни: ни цветочка багульника, ни зелёного листка. Лишь рыжие муравейники выпирали тут и там, как огромные бородавки.

Стояла утренняя прохлада. Где-то далеко надрылась ворона.

Что принесло его в мёртвый лес? Почему он свернул с Туранской дороги, огибающей это проклятое место? Никита и сам ответить не мог. Да, путь через древесное кладбище был короче, но завела его сюда вовсе не спешка и не лень, а какое-то смутное решение. Может он испытывал свою смелость? Или искал ответы на потаённые вопросы, которые, находясь среди живых, даже сформулировать трудно. Возможно, захотел почувствовать себя живым. Где это лучше сделать, как не в царстве покойников?

Лес постепенно редел, но горы впереди не показывались – этим утром их скрывала пелена тумана. Выйдя на очередную прогалину, Никита остановился, напряжённо всмотрелся вдаль, но увидел лишь белое марево – там будто и не существовало Тункинских гольцов со снежными наконечниками вершин и бурыми склонами, от которых даже за версту веяло холодом. Ему нужно туда, где за туманом громоздятся сонные хребты, где его дожидается человек с сивой бородой.

По приданию, очень давно, когда перевалы не имели названий, а горные озёра ещё ни разу не отражали человеческого лица, на эту землю спустились небесные хаты. Их глава Хан Шаргай-нойон снизошёл на гору Холмо-Ула. Он решил покарать местную нечисть, потому и явился в образе батора – с оружием в руках, в доспехах, верхом на золотистом коне с белой гривой. Хан сокрушил чёрных заянов, для которых человеческая кровь – питьё, а мясо – харчи. Он усмирил злых восточных тенгри и худых ада, ворующих новорождённых детей. Поставил на место даже чёрных шаманов, безнаказанно творящих жуткие обряды.

Буряты говорили, что время от времени хаты во главе с Шаргай-нойоном делают такое, о чём простым смертным лучше не знать, – поэтому божества и прячут горы в туман. Чем же они занимались сегодня? Что замышляли?

Множество историй слышал Никита от местного люда о том, как разгневанные духи вводят путника кругами, соблазном сбрасывают в пропасть, являются в жутких образах и лишают рассудка. В подобные запуги он не особо верил, несмотря на юный возраст. Его мачеха, Кириллиха, заслышав подобные бредни, могла и водой окатить. «Нечего ребятё изурочивать дурными словами, – голосила она в этих случаях. – Вашими рассказами столп лжеверия утверждается». А урядник Чугунов, говаривали, мог запросто схватиться за кнут, если слышал от своих казаков пересказы бурятских легенд.

Вскоре появилась дорога, с которой он свернул в мёртвую чащу, а затем и гремучий поток Эхе-Угунь. Речка укуталась в ивовый марник – защищалась от ненасытных путников-водохлёбов. Пройдя вверх по течению, Никита нашёл спуск и напился на приплёске. «Большая вода» – вот что означало бурятское название. Подобно своим сёстрам, Эхе-Угунь брала исток на снежных вершинах, питалась из горных озёр, вбирала талые воды с затенённых складок, где снег летовал. Освобождаясь от подпирающих русло склонов, она отдавалась равнинному Иркуту.

Приближаясь к горному кряжу, Никита расслышал мелодичное тюканье топоров, которое поначалу тонуло в шуме реки. Сердце взволнованно споткнулось. Бывало такое: услышит человек стук топора, пойдёт навстречу и обнаружит заброшенную вырубку. Вырубка безлюдная, а стук идёт. Значит, черти гроб человеку сколачивают... Никита свернул с дороги и осторожно вышел на поляну. Два мужика тесали брёвна. Топорами они орудовали искуснее, чем толмачи перьями. На минутку Никита остановился, чтобы полюбоваться чужой работой.

Брёвна, которые мужики пустили в дело, были заготовлены по весне, на каждом имелись длинные затёсы с полосами коры – для сокодвижения. Сейчас, по ранней осени, пока день не слишком укоротился, а земля не остыла от летнего зноя, пропитанные смолой брёвна тесали топорами. Пилы и прочий инструмент для такой работы не использовали. Пила рвёт древесные волокна, открывая их для влаги. Топор же, напротив, запечатывает древесину, сохраняет от гнили.

Один из работников недобро глянул на Никиту и погрозил топором. Никита презрительно плюнул в траву перед собой (мужика аж перекосило от ярости), потом нагло оскалился и зашагал прочь, чтоб не искушать судьбу. Задерживаться не стоило: священник уже наверное потерял его, снова будет ругать за проволочку.

Он вошёл в ущелье, где Эхе-Угунь пробиралась сквозь камни. Речка гневно ревела и, словно в приступе падучей, выпускала пену. С левого берега в неё впадала река Звенящая, с шипением рвущаяся из узкой каменной пади. Казалось, что по скале врезали гигантским топором, а из трещины хлынула вода. Наверняка подобная легенда имелась у местных бурят. У них легенд хоть отбавляй – на все случаи жизни.

Там же, на левом берегу, красовалась свежестроенная церквушка – красная, как осенний листок. Неподалёку готовился сруб – будущий домик монашеской братии, а в стороне мастерили корпус для отдыхающих. Рядом с православной пустыней находились целебные источники, которые и манили сюда людей. Горячая вода хлестала из трещины в граните и по деревянным желобам сбегала в ванное здание – простую избу с тремя грубыми ящиками. «Хорошо бы тут поселиться ленивой русской бабе, – подумал Никита, – не надо воду на огне греть, просто черпай из ванны».

Про эти целебные ключи знали давно. Когда-то сюда приезжали только больные буряты, направленные местным шаманом, затем стали отдыхать русские. Прибывшие из Иркутска аптекарь и инспектор врачебной управы провели на источниках свои опыты и подтвердили: воды действительно приносят пользу, особенно при костных и суставных недугах. И лишь совсем

недавно – два или три года назад – иркутский губернатор передал эту местность архиепископу Нилу, а тот решил основать здесь монашеский скит.

Никита почуял запах дыма и вышел к костру. Два одетых в измусоленные запоны мужика обжигали брёвна для основания сруба. Работники отчаянно спорили, не обращая внимания на мальчишку.

– Лучше было дёгтем пропитать.

– Тут земля особенная, всё в себя впитывает, как губка. Со временем дёготь наружу выйдет.

– Я землю эту знаю. Я в остроге два лета строил, ещё при атамане.

– Твой атаман, он что, руководство по зодчеству пишет?

Никита осмотрелся, почесал вздёрнутый нос и решил вмешаться в спор:

– Не прав ты, дядя Егор.

Мужики замолчали, повернув к нему закопчённые рожи.

– Не лез бы ты, щенок, в разговор знающих людей! – предупредил Егора тот, что за дёготь выступал.

– Обожди-ка, – деловито остановил его второй, выставив вперёд пухлую ладонь. – Пускай щенок выскажется. Ну-ка, Никита, молви.

С видом знатока Никита оглядел брёвна.

– Здесь лучше не «стулья» под основу класть, а камни.

– Чего так? – с сомнением хмыкнул Егор.

– Камни ближе этой почве. Вон она вся ими напичкана. Лучше естества держаться, земля знает как лучше.

Оба мужика, как по команде, махнули руками.

– Земля знает, – гнусаво передразнил Егор. – Мелешь что попало. Советчик! От грыжи в боку и то больше прока... С дёгтем на век дольше простоит!

– Если бы дубовые «стулья» были, тогда – дёгтем, – не унимался первый, – а тут листовенницу в основу кладём – её прокалить лучшее.

– Если бы да кабы – во рту росли бы грибы!

– Взрослые люди, а совета не слушаете, – обиженно сказал Никита.

Дядя Егор, распалённый спором, приблизился.

– А ты, сучёнок, часом не борзой породы будешь? Гавкаешь больно уверенно!

На всякий случай Никита отступил на пару шагов.

– Оставь пацана, – сказал первый. – А ты, Никита, чего без работы шастаешь? Балахры-стишь пошто, а?

– Отец Зосима явиться велел, его ищу.

Мужик кивнул патлатой головой в сторону церквушки.

– Там он – на берегу сидит, русалкам проповедует. Давай уж, иди куда шёл.

По шаткому мостку Никита перешёл на другой берег и спустился к воде. Отец Зосима сидел на камне, подстелив под зад суконную тряпку, сложенную в несколько раз. Его сивая борода трепыхалась на ветру, как стяг. Заметив Никиту, он скривился: где тебя носило? Потом указал на соседний валун. Никита примостился, поджав одну ногу. Некоторое время они молчали, наблюдая неистовую борьбу воды и камня.

– Как мать твоя? – наконец спросил Зосима.

– Кириллиха? Не мать она мне.

– Как не мать? Растит, кормит, воспитывает – значит, мать.

– Из воспитания одни тумачи.

– Чего ж ты хотел? Лобызания нужно делами справными заслужить, а ты никудышен, как блин горелый. Потому – только тумачи.

Никита с обидой вскочил. Кровь бросилась ему в лицо.

– Так чего звали, отец Зосима? Посудить меня за версту от дома?

– Сядь, не пыли, – священник вновь указал на камень. – Экий ты брыкастый! Батя-то не таким был.

Минуту-другую они тарасились на реку, будто черпали в ней успокоение.

– Слыхал, что с Алёшкой стало? – спросил отец Зосима.

– С Люблиным? Так помер вроде.

– Помер, – согласился священник и опять замолчал.

Внутри у Никиты слабо зазвучала неугомонная струна беспокойства: зачем, собственно говоря, позвали?

– Алёшка Люблин работу кой-какую делал, – пояснил отец Зосима с каким-то едва уловимым отвращением. – Теперь ты заниматься будешь, а я тебе – жалование от епархии. Три рубля за месяц. Идёт?

Никита поразмыслил и несогласно повертел головой.

– Три мало будет. За пятак соглашусь.

– За пятак!.. Ещё не слыхал, что за работа, а торг ведёшь!

– Какая-никакая работа, а за трёшку неинтересно.

– Ишь, долгие зубы взял манеру выставлять! Ты особо не артачься, чай не специалист великий.

– Специалист не специлист, а за три работать не согласен.

– Не согласен он! – вспыхнул отец Зосима, даже на ноги поднялся. – Ты знаешь, что Кириллица тебя Спицыну запродавать собралась? У него не забалуешь. Кошачьей блевотиной питаться будешь. И за рубль скажешь спасибо.

– К Спицыну не пойду, – буркнул Никита.

– А куда денешься? – почти крикнул Зосима. – Куда?

– Сбегу. На прииск, как батя.

– Вот-вот!.. Там из тебя человека и сделают – полуживого. Кому ты нужен такой, тощий как драница? Сам не знаешь, что на приисках творится? На такую чёрную работу лишь отребье согласно – те, кому деваться некуда. Тунгусы спившиеся, каторжане беглые. Бывало, нормальный мужик уйдёт, так после сезона совсем пропащим вертается.

Священник вновь уселся на камень, в пылу так и не заметив соскользнувшей на землю подстилки.

– Ладно, бог с тобой. Пятак, так пятак. Но за него вдвое спрошу!

Он немного успокоился, глядя на реку. «Небось Евангелие повторяет», – подумал Никита. Вроде Зосима был неплохим мужиком. В глубине души Никита даже уважал его. Наверное, таким был бы его отец, если бы не пил. Уживающиеся под одной крышей предприимчивость и духовность были их общими качествами. Только Зосима успешно пользовался ими здесь, в строящейся обители, а у бати они вступили в противоречие, что привело к пьянке, уходу из дома, долгам, скитаниям и смерти.

– Вон ещё одни помощнички заднеголовые нашлись, – уже миролюбиво сказал священник, кивая на противоположный берег, где мужики продолжали спор. – Самому учить всему приходится.

Он повернулся к Никите и ободрительно улыбнулся.

– Велел им лиственницу заготовить. Прошлым годом ехал с Иркутска, остановился в Медвежьем зимовье. Грязь несусветная! И полы, и посуда, и рожи – всё в баню просится. Следующей ночью в рыбацкой избёнке на Култучной заночевал. Гляжу – чистота. Крыша и стены будто из тёмного полированного дерева выполнены. Ни сажа не висит, ни дрянь какая. Я даже комплимент рыбакам сделал: дескать, молодцы, мужики, в чистоте живёте. Они, по моему, даже обиделись. Говорят: мы, батя, здесь сроду не убирались. А чистота – она от лист-

венницы, стены из неё не так грязнятся, как сосна или, не приведи Господи, берёза. Вот из лиственницы всё справляем.

Он потёр озябшие от влаги руки. Тёмная ряса покрылась мелкими пятнами от брызг.

– Так договорились, стало быть? Чего не справляешься, какую работу делать?

– Ну какую?

– Помогать будешь во всём. Что скажу – изволь выполнить.

– Так я и сейчас помогаю.

Зосима выдохнул из себя раздражение.

– Дело одно есть, которое Алёшка исполнял. С него и начнёшь.

– Что за дело?

– Батоху-бурята знаешь? Он тебя поведёт и расскажет.

– Почему Батоха?

– Не по сану мне говорить о таком. А сделать надо, ничего не попишешь. Чтоб не случилось чего...

Священник поднялся с камня, взял с земли обнаруженную подстилку и зажал подмышкой как книгу.

– Батоха там – повыше, на загорине. Выбери в казёнке куртак потеплее, заплечник возьми. Ичиги, я гляжу, у тебя крепенькие. А я Кириллихе передам, что сегодня не вернёшься.

– Как не вернусь?

– Ступай давай!

Глава 2

Минут на пятнадцать он задержался в пúстыни – понаблюдать за возведением сруба. С десяток мужиков трудились справно, как муравьи. Одни тягали брёвна вверх по наклонным доскам, другие помогали, ткнув изнутри верёвками, перекинутыми через деревянную раму. Несколько раз Никита ловил недовольные взгляды и решил не злить работяг.

Он приоделся в церковной казёнке и двинулся вверх по реке, напевая под нос: «...Выдадут тебе халат с жёлтыми тузами, обольёшься ты, сынок, горькими слезами». Настроение было хорошим. Как он, однако, с Зосимой торговался! Не у каждого получится из священника лишние два рубля вытрясти.

Пологие склоны Эхе-Угунь поросли куцым лесом. Поднимаясь выше, Никита услышал своё имя, но суеверно не обернулся. Нужно убедиться, что окликает живой человек, а не покойник, способный увести с собой или хворь какую нагнать.

– Никитка! – снова раздалось со стороны. – Ники-итка!

Звал Батоха. Пожилой бурят сидел на поваленном дереве. Одной рукой он подносил трубку к бронзовому лицу, другой манил Никиту, как манят чужого коня или одичавшую собаку.

– Сайн байна, Никитка! Драстуй! Даабари дуургэхэ надо нам, – сказал Батоха, – важное поручение выполним. Ваш тайша велел тебя повести.

Никита приблизился.

– Ну так веди, чего сидишь?

Батоха обнажил редеющие зубы.

– Обожди немного, докурить нужно. Потом пойдём.

Бурят указал чубуком на бревно, но Никита остался стоять с сердитым видом. Батоху ничуть не смущало присутствие ожидающего человека. Он попыхивал табаком, шурил плутовские глаза, добродушно улыбался. Наконец он докурил и зачем-то рассыпал пепел по земле, точно корм курам.

– Куда пойдём-то? – поинтересовался Никита. – Что отец Зосима велел?

– Я Лёску водил, теперь тебя. Больше не скажу, сам увидишь.

– Хм... Веди тогда.

Двигаясь вдоль реки, они преодолели около версты и вышли в более широкую долину, с севера окаймлённую цепью гор. Ступая по песчаной почве, Никита призадумался. Куда его направил отец Зосима? И что за дело такое выполнял Алёшка Люблин? Священник отказался рассказывать, и на пятак как-то быстро согласился... Батоха, старый пустомеля, тоже молчит... Мелкое неприятное чувство засвербело внутри – будто волосок в рот попал, а сплюнуть не получается. Ничего, сейчас разговорится Батоха, никуда не денется. Никита спросил бурята:

– А ты, Батоха, никак от охоты отошёл, раз на Зосиму работаешь?

– Как это – отошёл? Нет. Ваш тайша говорит – я выполняю, а так – ангаха. Хэрмэн ловлю в основном – белка по-вашему. А так, и булган – соболь, и корсака, и манула бью. Кабарги струю сдаю – изрядный выигрыш имею... Шас тебя отведу и на хужир солёный пойду, изюбря караулить.

– Без ружья караулить будешь?

– Домой ко мне идём. В юрте возьму.

– Меня отец Зосима к тебе в гости снарядил?

– Сначала домой. Ночевать будем, а утром выше пойдём – туда, где хубшэ тайга.

– А там что? Деревя считать?

– Увидишь.

«Не говорит, сволочь», – ругнулся Никита про себя.

Хубшэ тайга – так буряты называли дремучий высокогорный лес. За ним уже начиналась горная тундра, полная трав, а после – только каменные, лишённые растительности склоны, на которых и барабанную палочку выстрогать не из чего. В таёжных дебрях, где господствовали свои законы, Никита бывал очень редко – всего несколько раз – и без поддержки опытного человека вряд ли бы выжил. Далековато его Зосима отправил.

В трёх верстах от Нило-Столбенской церкви тропа резко пошла вверх, и они поднялись на Холмо-Ула – тот самый холм, на который, по поверьям, снизошёл с неба Хан Шаргай-нойон. Это его соловый конь разрыхлил копытом склон, отчего здесь и появился белый песок, обладающий великой силой. Бурятские воины приезжали сюда молиться и наполнять песком мешочки-обереги.

Забравшись на холм, Никита остановился. Деревья в окружении пестрели разноцветными лентами. А между лент, на тонких верёвках из конского волоса свисали лопаточные кости овец. Некоторые кости побелели от времени, на них явственно проступали незнакомые письмена. Никита перекрестился. Он всегда обходил стороной это место и только сегодня, увлечшись думами, впервые поднялся сюда вслед за бурятом. Ленты колыхались, хотя никакого ветра, даже самого слабого, не ощущалось. Овечьи лопатки вертелись, подставляя взгляду то одну, то другую сторону, будто обязывая прочесть все письмена от и до.

– Куда далее-то? – спросил Никита шёпотом. – Пошли уже, от греха подальше.

Бурят ощерил прокуренный рот.

– Ко мне в улус идём. Я ведь говорил.

– Ну так пошли!

Миновав жуткий холм, они двинулись через заросли. Никита обратил внимание, что привычные лесные звуки стихли. Дятлы, до этого бодро долбившие стволы, как по команде смолкли, и даже насекомые не жужжали возле уха. Жизнь замирала, уступая место каким-то другим силам.

Вскоре появился улус, состоящий из десятка юрт, между которых сновала шайка улыбчивых собак. Батоха что-то крикнул по-своему. В одной из юрт отворилась дверь, и наружу высунулось плоское как сковорода лицо.

– Жена моя, – с достоинством пояснил бурят.

Голова вновь скрылась в юрте, и почти сразу над жилищем закурился дымок. Почему-то Никите стало жаль Батоху. Жил тот в грязи, в хламе каком-то. Круглый год носил одну и ту же замусоленную куртку. Детей у него не было, а если и были, то мотались неизвестно где. Бурят постоянно горбатился на кого-то задарма, а в остальное время охотился и травы собирал. В общем, трудился из последних сил, а достатка не имел. Говорили, что по молодости он в Хиринском дацане жил. Ещё до того, как «Дэчен Даржилинг» построили, молельней служила войлочная юрта. При этой юрте-храме и состоял Батоха помощником ламы. Однажды в Хирин приехали важные ламы из Монголии. Они поглядели косо и велели прогнать Батоху – разглядели в нём что-то вредное. С того дня бурят избегал людей, всё больше по горам и лесам скитался. Уже позже, когда совсем взрослым стал, начал помаленьку с местными общаться и обзавёлся молодой супружницей. Некоторые в долине утверждали, что в странствиях Батоха тронулся умом, раздал мозги духам местности. Может и души у него не осталось? Поделил её бурят между рек, гор и лесов. Оттого зверя влеготку бьёт и травы быстро находит.

Внутри юрта оказалась просторной. Они расположились недалеко от очага, вытянув разгорячённые ноги. Соелма – так звали Батохину супругу – бросила в закипающую воду кусковой чай, добавила соли и взболтнула латунным черпаком. В другой котелок она кинула муку и пару ложек масла. По юрте пополз приятный хлебный запах. Изжарив тесто, Соелма залила его бурым чаем. Прибавила густых сливок, вынутых из бараньего меха, висящего на колышке среди прочих вещей. Латунный черпак вновь пошёл в дело. Пару минут Батохина жена помещивала варево, затем протёрла кружки конским хвостом и разлила напиток.

– Уй! Знатный сай, – похвалился бурят, – породы луган бортогон. У чикойских семейников купил.

Чай, прозванный затураном, утолял и жажду, и голод. И раньше Никита пробовал его, но приготовление видел впервые.

– Лёска очень сай пить любил, – сказал Батоха. – Моя всегда, как только видела его – начинала варить. Сейчас думала, что с Лёской иду. Не знает, что сгинул.

– Чего не скажешь ей? – удивился Никита.

– А-а-а!.. – Батоха многозначительно махнул рукой в сторону выхода, за которым скрылась Соелма. Этим объяснением и ограничился.

Допив чай, они остались сидеть возле огня. Бурят достал трубку и начал трамбовать красноватые кудри табака.

– Что же Алёшка Люблин так сплеховал, не уберётся? – спросил Никита. – Зачем в холодрыгу купаться стал?

Батоха медлил с ответом. Понюхав табак, он сказал:

– Я с духами общался, выяснял. Не губила его вода. Лёску человек губил.

– То есть как? – изумился Никита. – Не стонул он, что ли, в озере?

– Стонул. Только в воду полез не по доброй воле. Я Лёску знаю: он бахвалился, а сам воды боялся – плавать-то не мог.

– Потому и стонул, что плавать не умел. Полез жар смыть с дороги и стонул.

Батоха затянулся, прокашлялся и ничего не ответил.

– Бреешь ты, – Никита отвернулся к огню, – и духи твои брешут.

Алёшка Люблин при жизни был на несколько лет старше Никиты. Он рос в семье приезжих староверов – «семейских» – прибывших в долину ещё во времена царицы Екатерины. Здесь, на краю русской земли, они искали покой и уединение для своей веры, и обосновались в Никольской слободе, где никто не мешал чинить двоеперстие и старинные книги читать. Лёшка, пусть и юный, а подряжался на любую работу. И не потому, что выгоды много хотел, – его любое мастерство привлекало. Что он в свои восемнадцать только ни делал: жир из байкальской коломенки топил и китайцам продавал, зимовья строил в самых труднодоступных местах, мастерил из кожи пояса и конскую сбрую, белок плашками ловил. Купцы нанимали его

собирать гусиный пух по берегам озёр. Колокол отлить – он и тут помощник. Чтоб видалый Алёшка Люблин стонуть мог – в этом было что-то странное. А тут ещё Батоха утверждает, что Люблин плавать не умел. Наверняка брехал старый бурят.

– Отдохнём немного, а там Соелма мяса наварит, – сказал Батоха, выжимая из трубки последние затяжки. – А вечером ритуал нужно сделать – к шаману пойдём.

– В вашей языческой дури участвовать не буду, – предупредил Никита.

– Без ритуала в хубшэ тайга нельзя. Ты в первый раз идёшь, с духами ещё не знаком. Беда может быть.

– Как с Алёшкой?

– Нет. Лёска всё правильно делал. Ритуалы соблюдал, подношения давал. Я же говорю: не духи его сгубили, а люди.

У Никиты возникло желание сказать буряту что-нибудь гадкое. Самому было противно от этого чувства, но сдержаться он не мог.

– Скажи, Батоха, почему тебя с юрты-молельни погнали?

Бурят скосился на него как волк – не поворачивая головы.

– Я ламой стать хотел, когда молодым был, – без обиды пояснил он. – Учился, старался.

Оказалось, негоден я. Ламы сказали: никак не получится.

– Отчего не получится? Рылом не вышел?

– Ук у меня.

– Что ещё за Ук? Говори ты по-человечески!

– По-вашему не выйдет. Ук есть Ук.

Батоха достал малюсенький шомпол и взялся чистить трубку. «Нарочно он, что ли, время тянет, что б меня позлить?» – подумал Никита.

– Мой дед шаманом был, – наконец продолжил Батоха. – Отец не хотел, но тоже стал. По наследству этот дар передаётся. Когда переходит шаман в другой мир, он здесь через потомка живёт, а сам ведёт его и покровительствует. Отец не принял от деда передачу, когда тот уходил. Тогда ему через сны знание пошло, а потом у него наяву онго¹ началось. Несколько дней ходил, руками размахивал, как птица крыльями. Всё равно шаманом стал.

– Теперь значит ты, – проговорил Никита. Он представил, что предки буряты и сейчас сидят в юрте, говорят через Батоху и помывают каким-то жутким Уком. Стало не по себе, даже ноги поджались к телу.

– Креститься тебе надо, Батоха.

– Не-е. – Бурят с хитрым видом помотал головой. – Тиигэжэ болохогуй².

– Ламы тебе не помогли – погнали, а церковь точно поможет. Крестись, дурак.

– Почему погнали? Ламы к духам отправили, чтобы мир заключить.

Никита открыл рот, но ничего не сказал. Вот зачем бурят по лесам и горам шастал. Ламы разглядели какой-то Ук и сделали Батоху посредником между бурханской верой и местными духами... Что-то он ещё хотел узнать у Батохи. Немного подумав, Никита вспомнил:

– Если дар по наследству передаётся, откуда он изначально взялся?

– Моя прапрабабка градину проглотила.

– Градину? Какую градину?

– В ней семя небесного духа находилось. Баба понесла и родила первого шамана в нашем роду.

Никита наморщил лоб. Тьфу ты, дрянь какая.

¹ Шаманский транс (*бурят.*)

² Нельзя так делать (*бурят.*)

День уходил во мглу. Никита выбрался из юрты, отошёл в лес помочиться. Два ласковых пса увязались за ним, вертелись под ногами, едва не попадая под струю. Никита глянул на север. Дремлющая река покрылась вечерней пеленой, далеко за ней, в вечернем небе сгорбился хребет, на который им завтра предстояло взойти.

Соелма варила мясо и весь улус благоухал душистым бульоном. Когда сели ужинать, Батоха долго возился с мясом. Он выбрал два смачных куска.

– Жэмхег, – пояснил бурят. – Самый лучший кусок мяса – духам в подношение. Второй – тебе, гостю.

Никита возражать не стал. Привыкший у Кириллихи одну бардомагу жрать, он с аппетитом набросился на мясо, съел свой жэмхег и ещё несколько кусков. Первый жэмхег так и остался лежать на отдельном блюде рядом с очагом.

После ужина Батоха опять принялся дымить табаком.

– Выходит, ты ламам служить хотел, а духи тебя не пускают? – возобновил разговор Никита.

– Плохо понимаешь, Никитка. Не все духи Дхарме³ враждебны. Есть такие, которые просветления достигли. Они любого ламу поучат.

– Откуда же они проповедуют? Из-под земли?

– Бывает и так. – Батоха не заметил издёвки. – Мне лама из Монголии такое рассказывал. Много лет назад возле Лхасы монастырь строили. Великий Цонкапа поручил ученикам место подходящее найти. Нашли они такое место на горе Вангбур и тут заметили, как между камней дым благовоний вырывается. Разобрали камни, пробили ход и вышли в пещеру, а там человек сидит – старик какой-то. Живой вроде, а никто разбудить не может. Только Цонкапа его и разбудил. Огляделся старец и спросил: «Какая вера теперь на Земле?» – «Учение Будды Благословенного», – отвечали ему. Старец кивнул и попросил чашку молока. Все кинулись за молоком, а когда принесли – видят: пустая пещера, исчез старец.

Рассказав историю, Батоха с прищуром наблюдал, как дымок от трубки поднимается вверх, смешиваясь с дымом очага.

– Ну и что с того? – хмыкнул Никита.

– То, что веры меняются, а некоторые силы как были, так и остаются. Одни помогают человеку, другие – вредят. Первых великие ламы подчиняют себе, сахюсанами делают. А со вторыми договариваться нужно, чтоб бед не было.

– Я уж тут с тобой до епитимьи договорился. Православные с духами не якшаются. Что с Богом – то не с бесом: какие тут договоры?

– Боишься, Никитка. А Лёска не боялся. И тайша Сосим не боится.

– Не боюсь я! Связываться с бурханами вашими неохота.

– Тайша Сосим сказал, чтобы со мной шёл? Сказал! Стало быть, хочешь не хочешь, а делай. Сосим поумнее тебя будет. И Нил Иркутский поумнее тебя будет. Он нашу веру не отрицает, а поддерживает.

– Бреешь снова. Архиепископ веру вашу и язык изучает, чтобы проповедовать лучше. Сколько бурят окрестил уже! Николая Доржеева крестил, а тот, говорят, ламой знатным был.

– Зачем тогда Нил книги про бурханов пишет? Не знаешь? Не знаешь!

– Ты, видать, знаешь!

– Нил Иркутский и Нагмат Доржеев поняли, что нет веры лучше или хуже. Все веры хороши, им следовать нужно правильно. Кто свою веру постиг – не станет бранить чужую, видит: всё едино.

– По-твоему, разницы между ламской верой и православием нет?

– Разница есть. Её люди придумали.

³ Здесь – буддийское учение.

Никита не знал что ответить. Жаль, что на его месте не оказался православный с более подвешенным языком. Вот хоть Алёшка Люблин, к примеру, – тот в спорах знал толк. Только Алёшка сгинул, да и, со слов бурята, не очень-то противился языческой вере. Оттого, наверное, и сгинул.

– Ритуал провести надо, – напомнил Батоха. – Скоро к шаману пойдём.

– Тебе надо – ты и иди! Мне вера не позволяет.

– Без ритуала плохо будет. Лучше уж назад возвращайся.

– И вернись! Я в ваших поганных делах не замараюсь.

Никита думал, что Батоха обидится, но старый бурят лишь недоумённо пожал плечами.

В юрту вернулась Соелма. Хозяйка постелила гостю шкуры недалеко от догорающего огня, и Никита улёгся. Он долго не мог заснуть, таращась на жаркие угли, да ещё Батоха всё время курил, сдержано кашляя в кулак.

Глава 3

Утром Соелма собрала Батохин заплечник. Кое-что добавили и Никите: несколько узелков с рисом и мукой, мех с маслом, какие-то пахучие свёртки.

Из долины, со стороны Байкала уже выныривало сентябрьское солнце. Утренний ветерок приносил из леса пряный запах трухи.

Батоха прихватил ружьё – древний короткоствольный штуцер. Из таких, наверное, ещё дружина Ермака паляла. Никита побоялся бы стрелять из этой рухляди.

– Идти пора, – сказал бурят. – Иначе до вечера можем не вернуться, а ночевать – замёрзнешь.

– А ты, значит, не замёрзнешь?

Никита уплотнил великоватые ичиги портянками, сунул нож за голенище и пошёл за Батохой.

Тропка, устланная мелкой рыжей хвоей, взбиралась по лесистому склону. Она огибала скалистые выступы и опрокинутые непогодой деревья, пробиралась через сырой подлесок. Никита, хоть и шёл вторым, вмиг собрал на себя всю влагу. Бурят каким-то образом оставался сухим.

Спустя час они выбрались на каменную россыпь, уходящую вверх широкой рекой. Батоха уверенно поскакал по курумнику, будто различал тропинку в нагромождении валунов. Взбирались всё выше. Камни здесь словно не были обласканы ветром и водой, они делались шаткими и угловатыми. Страха у Никиты не было. Все мысли разбежались, оставив одну сосредоточенную думу: куда сделать шаг и не свалиться. Любое падение грозило вывихнутой ногой, переломанными рёбрами, разрезанной об острые камни ладонью, а то и прошибленной головой.

Вскоре курумник закончился, они вышли на пологий склон, заросший травой и диким луком. Батоха присел у ручейка, достал трубку и принялся уминать табак коричневым пальцем. Никита нацедил воды в кружку и жадно, будто с похмела, выпил.

Всю дорогу они молчали. Вот, наступила подходящая для разговора минутка, но бурят ничего не говорил, лишь посасывал трубку и с хитринкой глядел на мальчика. «Думает, я сейчас его вопросами засыплю, – усмехнулся про себя Никита. – Хреном тебя по башке! Ничего не скажу».

После перекура двинулись вверх по склону. Опять появилось что-то похожее на тропку. Уже не было нужды с опаской глядеть под ноги, выбирая место для шага, и дурные мысли полезли в голову – настырно, как черти в хату без образа. Главная дума заключалась в том, куда и зачем его ведут. На какое поручение его подписал отец Зосима? Не от того ли сгинул Алёшка Люблин? Видно, потому и молчат все – и священник, и Батоха. Не раскрывают подробности, чтобы клиент не убёг. Может, отец Зосима, как и ламы, решил с духами договориться? Может,

его, Никиту, ведут как телёнка на убой? – хотят духов жертвой умастить. Выходит, он и есть тот самый жэмхег – лучший кусок мяса, который в дар поднесут. Никита отогнал жуткие мысли. Нашёптывает тот, кто за левым плечом прячется, – старается отчаянье вселить. Послушаешь его, так он начертомелит, наговорит такого, что и сам себя в погибель сведёшь.

Склон набирал крутизну, на заросшую травой поверхность всё чаще выглядывали скалистые выступы. Вскоре путники уже почти ползли вверх, цепляясь руками за острые камни. Заплечник у Никиты тяжелел, будто чья-то гадкая рука тянула назад. Наконец они взобрались на седловину перевала. Здесь, как обычно, дул студёный хиус. Отдыхать было зябко, они недолго перевели дух и спустились в узкое каменистое ущелье. Сыпуха постоянно уходила из-под ног. Приходилось скользить, как на лыжах, время от времени тормозить, упираясь в крупные камни.

Добравшись до узенькой травянистой опушки, они присели. Никита снял ичиги и перемотал портянки, освободив их от песка и набившейся каменной мелочи.

– Путь-то запоминаешь? – спросил Батоха. – Другие разы будешь сам ходить.

– Дойду, не боись.

– Молодой, памяти много, – согласился бурят и широко зевнул, не удосужившись прикрыть рот ладонью.

– Смотри, чтоб бесы душу не вынули, – поостерёг его Никита.

Внизу, на тёмно-зелёном ковре долины червяком извивалась речушка. Кое-где по её берегу росли корявенькие сосёнки. Спустившись, Никита с Батохой уселись на берегу перекусить. Бурят достал лепешки и два куска вчерашнего мяса, завернутых в промасленную тряпку.

Угомонив голод, Никита разулся и остудил пылающие ноги. Его одежда, промокшая в начале пути, уже обсохла на ветру, иссушилась телесным жаром. Солнце пригревало, было хорошо и безмятежно. Отдыхая, он позабыл о недавних мрачных думах, как о позавчерашнем кошмаре.

– Видел птицу белую, когда спускались? – спросил Батоха. – Над нами летела. Хороший знак. Очень хороший!

– Я под ноги смотрел. Что за птица?

– Посланица Уурак Саган Тэнгэр – покровителя нашего. Она хондогорам дорогу показывала, когда мы в эти места шли.

– Откуда?

– Предки из Монголии вернулись. Там много гнёта и войн было. Бурные реки преодолели, горы перешли и в Тункинской долине остановились, как птица указала. У русских подданство приняли, табилта получили.

– Почему долину Тункинской назвали?

– Это не мы. Ещё до нас тунгусы именовали. Тункэн – по-ихнему барабан. Здесь ночами барабан звучит. Умерший шаман бьёт.

– Что-то ни разу не слышал.

– И хорошо, что не слышал. От плохого шаман предостерегает. Особенно русского любит остановить. Слышишь стук – уходить надо!

– Чем ему русские не угодили? Они убили?

– Русские землю не уважают. Копают, дрянь бросают. Духам не нравится такое. Я вот летник построил недалеко от хужиры тайного. Жил там, когда зверя стеречь можно. Последний раз пришёл, гляжу: русские побывали. Изгадили всё, разбросали. Дерьмо сзади лежит. Много. Половину полатей сожгли – дрова неохота было носить. Скамейку тоже в костёр бросили – перегорела напололам.

Никита хотел было спросить: «почему русские?», но стыдливо промолчал. Прав был Батоха: много русских нынче по лесам гуляло. И каждый второй – захульный. Если не варнак, так охотник бурдушный, готовый за делёж добычи и человека укокошить.

Отдохнув, они двинулись вниз по речке.

Вода прибывала с каждым новым ручьём, через которые без конца приходилось перепрыгивать. Никита, как ни старался, а всё равно промочил ноги, оступившись на одном из шатких камней. Влага хлюпала в ичигах, но останавливаться не хотелось.

– Скоро до бэлшэр дойдём, а там уже немного останется, – успокаивал Батоха.

Бэлшэром буряты называли стрелку реки, где воедино сливались два потока.

Они спустились на ровное плато, где река петляла излучинами. Здешние камни покрылись коричневыми веснушками, словно девичьи щёки. Никита вспомнил Агашку – блудную девку из посёлка. Как-то она лезла целоваться, хмельно смеясь, а рожа целиком усыпана такими вот веснушками. Тогда молодой Никита извивался, избегая бабских нежностей, а сейчас, пожалуй, не только поцеловал бы Агашку, но и осмелился ухватиться за её округлый зад.

Миновав плато, река бросилась вниз, а там появилась и стрелка. Сливаясь, два рукава образовали шумную полноводную реку, через которую в одиночку не перебраться. Впереди, на расстоянии ружейного выстрела, речка упиралась в скалы, едва раздвигая плечом каменные кручи. «Боомо-газар», – определил Батоха, – так буряты называли труднодоступный скалистый проход, или что-то вроде того.

Идти в самом деле становилось тяжело. Песчаные отмели закончились, уступив место каменным берегам. Река голосила на разный лад: шипела и жаловалась, чертыхалась и орала благим матом, скулила и ревела, точно кот, поднятый за хвост. За время вековой борьбы с камнем этот неизвестный поток прогрыз в скалах тесное ущелье, пройти через которое было не под силу ни рыбе, ни зверю. Лишь бесплотные духи скользили вниз и вверх по течению.

Батоха остановился и указал пальцем наверх. Никита понял – дальше придётся лезть, и кивнул буряту.

Скалы здесь разрушились ровными трещинами. Точно ступени выпирали квадратные уступы. Кое-где приходилось подниматься по неровным камням, уложенным так и сяк. Ступая вверх, Никита примечал каждый шаг буряты, и молился, чтобы мокрые ичиги не скользнули, да камень под ногой не ожил. Сорвёшься – костей не соберёшь.

Поднялись довольно высоко, так, что шум реки поубавился. Батоха остановился на ровной возвышенности, с трёх сторон укрытой скалами.

– Вот и пришли, – сказал он. – Баян гол.

– Как понимать?

– Место хорошее, благословенное. Здесь бы дуган возвести.

Никита оглядел открывающуюся внизу панораму. Там, где река пробивалась через каменные щёки, пенился невысокий падун. Ниже начинался густой лес – та самая хубшэ тайга с бесконечными буреломами и непроходимым кустарником. Грубый ворс леса делила река – она извивалась и корчилась, словно грешная душа.

– Дальше что? – спросил Никита.

Батоха одними глазами указал на скалу.

– Тебе внутрь надо.

– Внутрь?

Только сейчас Никита заметил в каменном склоне лаз пещеры.

– А ты? – с деланным безразличием спросил он.

– Не пролезу я, – пояснил бурят, – мальчик только сможет. Всё, что Соелма дала, оставишь внутри. Потом назад.

Как заворожённый Никита смотрел на темнеющий вход. Пещера. С большим удовольствием он бы залез на голую сосну или кинулся в полынью. Узкие ходы всегда пугали его. Даже в подпол спускался без особого желания, а тут – нора в скале, где взрослый может застрять. Никита вспомнил Алёшку Люблина и немного успокоился. Тот был поплечистей и ничего, пролезал.

– Ежели чего – тяни за ноги, – сказал он Батохе и, сгорбившись, ступил в проём.

Пещера оказалась глубокой. Никита опустился на колени и пополз, проталкивая заплечник перед собой. Сначала было светло, камни сверху ещё не слились в окончательный свод, тут и там зияли просветы, мелькало бледное небо. Дальше проход расширился – он не был таким узким, чтобы взрослому мужику застрять. При желании и полноватый отец Зосима протиснулся бы сюда. Почему тогда бурят не полез, да ещё врать стал? Что-то здесь было не так.

Наконец Никита попал в тёмный зал, уходящий в недра скалы. Здесь почти не было света, лишь слабые отголоски дня пробивались позади.

Пару минут он стоял, привыкая к темноте, не решаясь закрыть глаза. Было слышно как воздух со слабым свистом вылетает из ноздрей. Вылетает со свистом, а входит бесшумно. Странно.

Никита различил смутный силуэт человека в глубине залы, там, где была наиболее густая темнота. Человек и был самым тёмным пятном в этом сумраке. Он сидел недвижимо, как будто на коленях. Неужели притаился? Надо поскорее отдать ему всё и убраться.

Зрение окончательно привыкло к темноте. Никита различил деревянные чаши на полу, поставленный на попа обломок дерева. Рядом с обломком – плоские шёлковые свёртки, похожие на малюсенькие доски. Вдоль стены растянулась грубая постель – обычная рогожа, постеленная на еловый лапник.

Медленно, словно опасаясь разбудить хозяина, Никита выложил припасы риса и муки.

Может и не человек это вовсе, а дух горы? Или изваяние, которому подношение требуется. Зачем же чашки и постель? Изваяния не жрут и не спят, тем более в такой закобышной постели – из рогожи и лапника.

Никита шагнул вглубь пещеры, с опаской вглядываясь во мрак. Он ясно слышал шуршание мелких камушков под ногами. Где-то в глубине пещеры с каменного свода сорвалась капля и звонко расшиблась. Никита напрягся, готовый опрометью броситься наружу. Только с разбегу и не выберешься, лоб расшибёшь – и всё.

Человек действительно сидел на коленях. Точнее – на бёдрах, потому что колени его выпирали вперёд, а ступни задрались вверх, едва ли не выше пояса. Никита вспомнил: именно так в Хиринском дацане сидел главный, похожий на упитанную девку бурхан. Неужели это он и есть?

На пещерном было просторное бабское платье, не то красное, не то оранжевое – в темноте не понять. Никита различил круглое монгольское лицо с опущенными веками. Голову венчал пучок чёрных волос (или шапка такая?). Руки покоились на бёдрах ладонями вверх. Кожа бледная, как трава под поднятым камнем.

Не околел, ли часом? Никита нагнулся поближе, приблизил ладонь. От тела отшельника исходило едва различимое тепло. Похоже, что живой...

Внезапно прикоснулось что-то прохладное. Никита глянул вниз, а там – рука пещерного держит его пальцы. Он хотел рвануться, но даже шевельнуться не смог. Тело окаменело – может с испугу, а может от каких-то чар. Никита поднял глаза и наткнулся на спокойный взгляд отшельника. Монгол смотрел без интереса. Так глядят на плёс реки с лодки или на догорающий в ночи костёр.

Всё поплыло. Секунды растянулись в минуты. Никите чудилось, что уже и нет никакой пещеры, нет задания Зосимы. Сейчас он проснётся в утренней неге, а сварливая Кириллиха тумакками погонит на работу. И будет долгий день, а в трудах он вовсе забудет этот странный сон.

Мир снаружи таял, как снег в котле, а тело подхватила тёплая и душистая волна... Никита вновь в колыбели, а мать берёт его на руки и даёт мягкую титьку. И какой-то счастливый пёс восторженно лижет щёки шершавым языком. И отец поднимает его, так, что голова идёт кругом от высоты и запаха трав. И тёплая печка гудит под боком, прогоняя хворь... Вдруг какой-

то уголёк обжигает ладонь. Да это и не уголёк вовсе, а некая гадина – не то гадюка, не то щитомордник – вцепилась в руку и пьёт кровь, лениво извиваясь. Пытаясь скинуть гадину, а вместе с ней и наваждение, Никита отдернул руку и оказался в кошмарном месте.

Перед ним простиралась бескрайная степь – настоящая мечта великого кочевника – ровная как ковёр, заросшая рыже-зелёной травой, безветренная и бесшумная. С одного края стояла ночь, небеса слезились звёздочками. Другая сторона утопала в солнечных лучах. Голубой небосвод подёрнулся редкими облаками.

А посередине степи, там, где день переходил во тьму, возвышалась громадная статуя золотой бабы. Тучное тело будто распирало от внутреннего бурления. Грубо сделанное лицо пересекали полосы опущенных век, овал над подбородком условно обозначал рот, нос отсутствовал вовсе.

Жуткая золотая баба сидела на огромном муравейнике, в котором вместо насекомых копошились люди. Никита видел, как десятки, сотни человеческих тел каждую секунду выбираются из женского чрева и, беспокойно шевеля конечностями, вливаются в общую массу. Этот поток из живой плоти непрерывно извергался и бурлил у чресл золотой богини. Другие люди – уже не такие подвижные – ползли вверх по внешним сторонам муравейника. Они добирались до огромных женских ног, касались золотой плоти, замирали, гасли и безжизненно катились обратно. У подножия холма тела рассыпались в пыль и смешивались со степной травой.

Никита стоял, заворожённый этим зрелищем. Страшно было оттого, что ум уже обрёл ясность, но избавиться от видения не получалось – оставалось только наблюдать за этим круговоротом рождения и смерти.

Неожиданно правое веко у бабы дрогнуло, и весь мир пошёл по швам.

Никита судорожно вскрикнул и снова оказался в пещере. Он в суматохе выбирался из прохода, сжимая в руке полупустой заплечник. Хотелось поскорее оказаться снаружи, увидеть добродушного бурята в вечно нестиранной куртке, дымящего своей неизменной трубкой.

Пока он вылезал, паника улеглась. Чего, собственно говоря, испугался? Ничего страшного ведь не произошло, так – почудилось что-то.

Снаружи лил дождь. Батохи не было видно – наверное, укрылся от сырости под каким-нибудь уступом. Только заплечник почему-то под дождём оставил. И не оставил даже, а неряшливо бросил.

Никита отдышался, затем обошёл возвышенность и никого не обнаружил. Не было бурята и внизу у реки – отсюда сверху всё хорошо просматривалось. Значит, ушёл Батоха давно. Должно быть сразу, как только он, Никита, в пещеру полез. Но почему заплечник-то оставил?

Никита хотел окрикнуть бурята, но вдруг заметил струйку дыма – далеко внизу, где растилался буро-зелёный ковёр тайги, кто-то жёг костёр. Тревога царапнула по сердцу. Будто этот костерок – из стойбища врага. Батоха так далеко уйти не мог, тем более что путь к лесу преграждал непроходимый каньон. Надо убираться отсюда, и поскорее, если хочешь к вечеру вернуться в улус.

Никита сунул Батохин заплечник к себе и начал спускаться к реке.

Глава 4

Посёлок, долина, дом Кириллихи – всё казалось бесконечно далёким, словно он не прошлым утром вышел из дома, а год назад. Никита брёл, восстанавливая в памяти дорогу. Глупую ошибку он совершил, когда шёл сюда – запоминал путь, глядя вперёд. Теперь приходилось без конца оборачиваться, выверять приметы.

Голодное брюхо рычало. Что ж это получается: Батоха его и без компании, и без еды оставил? Никита покопался в мешке бурята, отыскал заскорузлую лепёшку, обрывок верёвки

и огниво. Всё остальное Батоха унёс с собой. Надо по возвращении кинуть этой верёвкой ему в морду. Сказать: чего, паскуда, добром разбрасываешься?

Лепёшку Никита съел, запив хрустящее тесто водой из реки. Снова вспомнился дымок, от которого веяло чем-то опасным. Не оттого ли сбежал бурят? Эти думы прибавили прыти, Никита поднялся и ускорил шаг.

Дождь продолжал лить. Река прибывала. Там, где раньше светлели песчаные отмели, теперь приходилось плутать по берегу. Тропы тут не было, но временами попадались человеческие следы: здесь – камень чуть сдвинут на рыхлой земле, там – травка подмята.

Резвая белка прыгнула с сосны, скачками пересекла дорогу и скрылась в зарослях. Чтобы прогнать дурное знамение, Никита поднял с земли прутик, разломил надвое и бросил половинки в разные стороны.

Внезапно раздались человеческие голоса, заржали лошади. Никита замер. В другой раз он без опаски пошёл бы навстречу, но тут поостерёгся – уж слишком много странного происходит. Он пробрался через кусты и глянул на реку. Сердце волнительно ёкнуло – словно бабу голую в бане подсмотрел.

На другом берегу маячили четыре всадника. Они осматривали реку, махали руками и что-то орали друг другу. Лошади, под завязку навьюченные барахлом, опасливо перебирали ногами. Один из мужиков – видимо, главный – указал место для брода и дал отмашку. Всадники один за другим ступили в бурную речку.

Вначале всё шло неплохо, но дальше они погрузились аршина на два, и течение сбивало лошадей. Река неслась стремглав, закручивая пенные валы. Вода подмачивала вьюки, наполняла высокие сапоги, хлестала о сёдла. Лошади ржали, косясь на поток. Всадники сдерживали животных, прокладывая путь не спеша – они понимали, что главная опасность для коней – это не течение, а острые камни на дне.

Наконец все четверо перебрались. Они спешили недалеко от кустов, где укрылся Никита.

– Хвала Господу, переправились, – сказал главный – смуглый мужик с хорошей выправкой. Он легко сошёл бы за офицера, если надеть форму и сбрить трёхдневную щетину.

– Нет, барин, не мы переправились, а бог нас перенёс, – возразил другой – видом попроще.

– Я уж тухнул малёхо, – покаялся третий. – Грешным делом водочку в реку брызнул – духов задобрить.

– А ты чего молчишь, Гурьян? – спросил главный четвёртого.

– Чего мне, Кондрат, голосить? – отозвался тот, стряхивая сырость с бороды. – Чай не первый раз тут мыкаюсь. Это вам в новинку, а я этим бродом два года хожу.

– Так и мы не впервой, – подбодрился один из мужиков.

– Не впервой... А толку – как от порошка в глазу, – осадил его Гурьян. – Ты, блудила, только в обратку ходил. Там много ума не надо.

– Видать, ты – самый умный.

– Поумнее некоторых! Дальше пойдём – мурцовки хлебнёшь полным рылом. Привык, видите ли, с пустыми лошадьми гулять, да из бутылки закусывать!

– Ишь чо! Лошади пустые! Груз может и невелик, но подороже того, что сейчас везём. Не ради же этого пошла стараемся!

Мужики сблизились, распетушились, едва не бросались в драку.

– Хорош атаманишь, Гурьян! – прикрикнул Кондрат. – Успеете покудахтать, когда вернёмся. Сейчас идти надо. Вон – изморочь никак не проходит, дорога скользкая, а нам в гору переть.

Они угрюмо осмотрели путь. Если на другом берегу возвышался крутобокий прижим, который полдня пришлось бы обходить, то с этой стороны хоть и был каменистый взлёт, но не такой страшный.

– Двинули! – скомандовал Кондрат.

Никита глядел, как путники взбираются, и всё решал: выходить или нет. Мужики вроде нормальные. И командир у них справный. При деле все. Но ведь допытываться станут: кто, да откуда. А про пещеру с отшельником не расскажешь. Даже ему сразу не сказали, а тут – разболтай первым встречным!

Подъём в гору явно давался тяжело. Лошади беспокоились. Группа шла зигзагами, чтобы сгладить крутизну. Мужик, что с Гурьяном огрызался, отпустил коня вперёд, а если животное останавливалось – бросал в круп острым камнем.

– Растянулись! – крикнул Кондрат. – Не подгоняй, а то камнями завалим!

Они прибегли к такой хитрости: сначала одну лошадь проводили участком зигзага, затем притормаживали и двигали следующую, чтоб не спускать камни на тех, кто внизу.

Вдруг что-то случилось. Никита увидел, как первая лошадь полетела вниз. С диким ржанием она изгибалась, пытаясь встать на ноги, но только набирала скорость, увлекая за собой камнепад. Животное пролетело кубарем сажен десять. Два раза кувыркнулось через шею, так, что ноги мелькнули, наконец, ткнулось боком на камни в начале подъёма.

– Галман ты эдакий! – заревел Гурьян на мужика, что лошадь вёл. – Очумел?

– Гурьяша, веди моего вверх, – крикнул Кондрат. – Я спущусь, подмогну.

Командир бросился вниз. Только с третьей попытки он поставил трясущееся животное на ноги и кое-как уgomонил.

– Ну что? – нерешительно спросил мужик сверху. Никто ему не ответил.

Лошадь проколола спину в нескольких местах. Глубокий порез у лопатки сочился тёмной кровью. Из вспоротого в паху брюха торчало что-то розовое.

Потоптавшись на месте, животное окрасило красным ближайшие камни и подогнуло перебитую ногу.

Кондрат отчаянно плюнул, затем показал Гурьяну перекрещенные руки. Тот понимающе кивнул и через пару минут спустился, сжимая в руках ружьё. Пока командир держал коня за поводья и что-то говорил, мужик приставил дуло к голове животного и выстрелил. Лошадь грузно завалилась на бок, едва не придавив замешкавшегося Кондрата.

– Развьючивайте! – приказал Гурьян тем, кто взобрался. – А ты, волк объезженный, спускайся! – он показал кулак тому, который лошадь упустил. – Щас я тебе, ротозей, зубы подлечу.

Гурьян обернулся, топнул с досадой и вдруг замер. Его бородатое, с оспенными щеками лицо вытянулось от удивления.

– Что ещё за очумелец? – сказал он с замешательством. – Гляди, Кондрат, какой чертёнок в кустах!

Внутри у Никиты похолодело.

– Подь сюда! – велел Гурьян. – Не ты ли, леший сын, нам коня сгубил?

Недолго думая, мужик поднял ствол и нацелился. Никита понимал, что ружьё не заряжено, но, перепугавшись, сиганул в гущину леса. Не разбирая дороги, он бросился прочь от реки.

– Подстрелю, паскудник! – игриво прокричал Гурьян где-то позади. – Ишь, крыса! Леший сын!

Мужик не поленился, двинулся следом. То ли охотничий инстинкт разыграл, то ли гнев решил на мальчишку спустить. Никита бежал, спотыкаясь о корни, увязая в колючем кустарнике.

– Высуни морду, крысёныш! – просил Гурьян издалека. Он отстал, видимо готовя оружие к выстрелу.

Тут что-то одёрнуло Никиту, будто рука ухватила за воротник. Никита брыкнулся, дёрнулся, навалился изо всех сил, но освободиться не вышло. Похоже, зацепился мешком за какой-то сук.

– Замри, заглотишь! Стреляю! – предупредил Гурьян, приближаясь.

И ведь вправду стрельнул, изверг! Пуля просвистела у головы, чиркнула по кустам. Никита мгновенно выпутался из заплечника и нырнул в заросли. Он побежал сквозь лес, запинаясь, царапая лицо о ветки. Мчался долго, пока ноги не налились свинцом, а в правом боку не закололо. Задыхаясь, он упал и уткнул лицо в сырую подушку мха. Вот тебе и мужики справные! Как что не так – в человека со злобы стреляют. Впрочем, и он зря в кустах отсиживался, а потом побёг ещё. Нужно было выходить и врать, что заблудился.

Отдышавшись, Никита оглядел себя. Куртка измаралась, порвалась в нескольких местах. Царапины на щеках пылали от жгучего пота. Он ухватил ладонью мох и выжал в рот струйку горькой жижи.

«Куда теперь?» – вертелось в голове. Двигаться обратно, вслед за группой Кондрата не было желания. Чтобы по нему опять из ружья палили?

Он прикинул, где находится. Если, преодолев перевал, они с Батохой спустились в соседнее ущелье, то речка здесь, как и Эхе-Угунь, должна падать в долину. Должна, но падает ли? Ладно, куда бы она ни бежала, всё равно приведёт вниз. Лучше спускаться здесь. Тем более что возвращаться прежним маршрутом уже поздно – к вечеру в лучшем случае доберёшься до перевала.

Только реку ещё нужно отыскать. Сейчас вокруг был нехоженный лес. Вода должна течь где-то справа.

Никита поднялся и с неохотой побрёл через заросли, отмахиваясь от надоедливой гнуса.

Глава 5

Таёжный ковёр под ногами становился зыбким. Ичиги утопали в прохладной губке мха, скользили по гнилой подстилке из корней и листьев. Деревья стояли по колено в белом лишайнике. Любая тропа в этой глуши показалась бы мощёной дорожкой.

Всё чаще Никита проваливался в пахнущие плесенью ямы, выбирался из них, цепляясь за ветки. Потом началось болото с голубоватыми озерцами, посреди которых, как редкие волоски на лысине, торчали чахлые берёзки. Увязнуть в таком болоте, конечно, не увязнешь, но и брести по пояс в воде не станешь.

Никита обошёл одну из глубоких луж и вдруг подвернул ногу, наступив на что-то кривое. Он уселся на мокрую кочку и сгоряча шибанул ладонью по воде. Где же река?

Похоже, выбраться до темноты не получится. Надо возвращаться обратно, к заплечнику с огнивом. Скорее всего, мешок так и висит на дереве – зачем он нужен этому Гурьяну?

Никита двинулся назад. «Проклятый бурят, – ругался он про себя, – сгинул бесследно, как Ермак Тимофеевич в водах Иртыша. Не исчез бы, так вернулись бы благополучно вдвоём».

Он остановился у оврага, заросшего жухлой маховкой. Место казалось знакомым и приятным, будто кто-то перенёс кусочек земли из долины сюда, в дремучий лес. На душе сделалось тепло, но мысли быстро омрачились: ведь он не шёл здесь до этого – значит, сбился с пути. Никита взял правее.

Он вспомнил, как однажды заплутал в лесу около Турана. Тогда, возвращаясь домой, он увидел нечто странное – сначала и сам не понял, что перед ним. Что-то вертелось и выло возле самой земли – какой-то красный вихрь. Вихрь оказался бешеной лисой. Животное в злобе вгрызлось в собственный хвост и крутилось что есть силы. Лиса поела себя и от себя же убегала. Ничем, кроме дурного знамения, это быть не могло. Никита испугался и бросился наутёк. Потом он долго искал дорогу и выбрался к дому лишь под вечер.

Кириллиха устроила ему добротную взбучку – сначала отходила розгой, затем спустила в подпол. Всю ночь Никита просидел в темноте и холоде, дрожал как цуцик и костерил мачеху на чём свет стоит. Он с ужасом вспоминал увиденную лису. Что-то дьявольское заключалось в её бешеном танце. Да и не лиса то была, а сгусток злобы – холодной, нечеловеческой, неземной злобы.

Утром явился урядник Чугунов, приходящийся Кириллихе дальней-предальной родней – как бабушкин внучатый козёл тёщиной курице. Он оттаскал Никиту за уши и что-то назидательно гундел. Мал тогда был Никита, духу сопротивляться у него не хватило. Да и сейчас хватило бы? – выступать против здорового казака с горящим как угли взглядом. После этого случая он возненавидел Чугунова, хотя раньше даже равнялся на него.

Он остановился, поняв, что давно бредёт, не различая дороги, выбирая места, где удобнее ступать. Похоже, окончательно заблудился. Сейчас выход один – снова идти к реке. Пусть через болота, пусть по кочкам, но выйти к реке, а там можно ориентироваться.

Никита пошёл обратно, тщательно выверяя направление, выскивая отметины своей обуви. Вот уже и овражек с маховкой должен появиться, однако, зараза, никак не показывался. Где-то внутри, в печёнках, начинала вскипать злоба – злоба на свою непутёвость. Алёшка Люблин на его месте давно выбрался бы из леса. Но Алёшка мёртв, а он, Никита, – живой. Значит, не такой уж он и непутёвый.

Вскоре и собственный след потерялся. Обессиленный Никита бухнулся в траву, отдохнул несколько минут, затем напился из лужи, как телёнок.

Главное до темноты выбраться к реке. По берегу можно всю ночь спускаться, а здесь будешь ходить кругами, пока не переломаешь ноги в какой-нибудь яме. Эта мысль повела его дальше.

Сохээ – так, кажется, буряты называли подобный лес – заболоченный, труднопроходимый. А главное, не было зарослям ни конца, ни края, будто и горы, и равнины – всё вокруг пропало. Солнце скрылось, и светлое небо, недавно мелькавшее между крон, потемнело как трёхдневный синяк. Никита уже не отдыхал, лишь ненадолго прислонялся к дереву, переводил дух и брёл дальше. Он шёл и всё вспомнил Батохины запуги о том, что духи без шаманского ритуала не принимают. Да, от ритуала уклонился. Можно сказать, языческим идолам в рожу плюнул. Ну и что с того? Плюнул – и правильно сделал! Значит, Господь от беды уберезёт.

Никита замер. Не зря Господа помянул: между стволов мелькнул оранжевый язычок костра. Сдержав порыв, он спрятался за дерево. Не рано ли радоваться? Кто знает, что за лиходеи могут греться у огня. Где-то глубоко, точно пуля в стволе, засело тревожное предчувствие.

Он долго стоял в раздумьях, а когда стемнело, решил подобраться и глянуть, кто сидит. «Яко тать в нощи» он перебирался от одного ствола к другому. Кто бы увидел его сейчас со стороны – точно бы из ружья пальнул.

У огня сидели двое – мрачные люди, одетые в тряпье, с нечёсаными бородами на замызганных рожах. Мужики задумчиво пялились на разгорающийся костёр. Из пламени с треском вылетела красная искра и, тлея, повисла на бороде одного из мужиков. Тот, даже не вздрогнув, нехотя поднял руку и раздавил уголёк толстыми пальцами, как гниду.

За спинами людей стоял низкий балаган, сооруженный из жердей и кусков лиственничной коры. Внутри – лежанка из примятого лапника.

Никита ёжился от холода, но выходить не решался: слишком уж одичавшими выглядели незнакомцы. Такие голову вмиг отстегнут.

Один из мужиков прихватил дровину, пошурудил ею в огне, будто кочергой, и добавил в костёр. Пламя осветило его ороговевшее лицо с прищуренными от дыма глазами.

– Вот не создал ещё Господь человека, а лес этот уже стоял, – философски заметил мужик, косясь на своего товарища. – И горы стояли, и зверь бегал. Ты, Фрол, дурья ты башка, думаешь, поди, что мы здесь главные?

Фрол безразлично молчал, продолжая, точно околдованный, таращиться на пламя.

– Думаешь, дескать, Господь всё в угоду человеку создал, так мы здесь хозяева? Вот! – он протянул Фролу под нос увесистый кукиш. – Зверь и камень здесь хозяева. А мы – гости. А раз весь мир раньше появился, то мы и в мире этом – гости. Усёк?

Фрол резким движением плеча отогнал от себя кукиш и бросил на мужика презрительный взгляд.

– Ну чего? – заводился мужик, явно провоцируя на разговор. – Не так, скажешь? Мы сейчас сидим, как первые люди сотворённые. А ведь недалеко от них ушли, – он усмехнулся и перешёл на доверительный тон. – Ведь говорили тунгусы, что на Ольхоне первые люди появились. Да! До сей поры там пещерка имеется с картинками. А в пещерке этой хранится котёл, в котором первые люди кашеварили.

– Ну-ну, ты ещё про медведя бессмертного расскажи, который пещеру стережёт.

– Медведь – это другое! – отмахнулся мужик.

Ненадолго они примолкли. Лишь треск углей нарушал ночную тишину.

– Крест-то есть на тебе? – вдруг спросил Фрол. – Ты, Лука, и крещён вроде, а мелешь такое, что в хайло садануть надобно.

– погоди ты, в хайло! – завозмутился Лука. – Что я не так сказал?

– По-твоему, Адам и Ева в пещере на Ольхоне сидели? Вот тебе и райские кущи! Из таких изгоняться – милое дело.

– При чём тут Ева? Я говорю: тунгусы про своих предков сказывали. Или буряты, не помню уже.

Фрол махнул рукой и поднялся размять кости. Он был поздоровее Луки и держался как-то величаво, по-боярски. Если бы не эта разница, то мужиков можно было принять за близнецов – очень уж похожими казались их заросшие лица с крепкими, будто из дерева вырезанными носами.

– Ты бы у местных лучше научился аракушку гнать, а не байки рассказывать, – назидательно проговорил Фрол, вновь уселся на бревно и хлопнул себя по бёдрам. – Эх, выпить бы простого до праздника Христова!

– Нагнал бы, да коровы нема, – пробурчал Лука. – А насчёт братских зря базлаешь. Они толк знают. Это их земля. Не будешь местных слушать, так ничего окромя греха не сделаешь. Помрёшь – и то не так, как надо.

Он бросил в огонь ещё одну дровину, хмыкнул о чём-то своём и продолжил:

– Братские, вот, никогда своих шаманов не хоронят. Русских нанимают. Со мной в Тельме на суконной фабрике мужичок работал – Авдейка. Он ещё в конторке писарем служил. Слышал?

Фрол даже бровью не повёл.

– Ну так вот. Ещё до конторки Авдей зимовщиком был, а там схроном промышлял. Где кого закопать надобно – подряжается. Однажды братские его нанимают и мзду предлагают хорошенькую – двух коней. Авдей соглашается, принимает покойничка и тащит к себе. Сначала, значит, тело в кладовую поместил, а следующим днём захоронил обычным порядком. Да слушаешь ты или нет?

– Слушаю! – завопил Фрол. – Куда мне деваться? Уши смолой замазать? Баладрыга ты эдакий! Тебе семерых посадить – до смерти заболтаешь!

– Ну так вот, – с удовлетворением повторил Лука. – Через три дня приходит Авдейка к братским и уверяет: покойничек-то из могилы выбирается, снова в кладовую на отлёжку приходит. Уже дважды, грит, перезакапывал, а он возвращается. Братские смеются и отвечают: мы же тебе не обычного мертвяка поднесли, а шамана покойного. Поэтому и платили столько – двух коней вместо одного. А тело шамана, значит, нужно по-особенному погребать. Допережь, говорят, открытый гроб сделай, устели его травой и овечьей шкурой. Потом в лес пойдёшь,

выбери место, чтобы между четырьмя одинаковыми деревьями было. На этом месте арангу возведи и на неё гроб поставь, чтобы тело отдать ветру и непогоде, на съедение зверям и птицам. Сделал всё так Авдейка, намаялся и решил больше схроном не промышлять.

– А душа как же? – спросил Фрол.

– Тоже мне праведник нашёлся! О душе вспомнил. Дух шамана не должен на небеса попадать. Чего ему там делать? Шаманская душа в лесу обитает, в камне, в дереве, в стручках всяких. Бывает – шастает по горам, порядки, понимаешь, наводит. Видит где что не так – губит человека. Но это ещё что! Есть чёрные шаманы, так те после смерти му-шубунами становятся.

– Кем-кем?

– Му-шубунами. Эти – самые страшные. Так мне братские говорили. Они едят только взрослых, кочующих в лесах – таких, как мы с тобой, бродяг. У этого духа длинный красный клюв, как у птицы, только из железа. Подходит, значит, му-шубун в темноте к человеку, прошибает ему голову клювом, съедает мозг, потом за сердце и потроха берётся...

Тут Никита неосторожно повернулся, надломив сухую ветку. Мужики вскочили, как ошпаренные и с ужасом вытарацились в темноту.

– Пресвятая Богородица, избавь от смерти внезапной! – запричитал Лука.

Фрол схватился за топор с грубо отёсанным топорщиком.

– Коли не леший, выходи на свет! – крикнул он.

– А коли леший? – отозвался из темноты Никита.

– Рога поотшибаем и сиди, не жалко, – чуть успокоившись, сказал Фрол. – Ну, чего замер, как рыба в тусу?

Мальчишка вышел к костру, представ перед мужиками. В своей изодранной одежде, с расцарапанными щеками он не очень отличался от этих бродяг.

– Ахти-мнёшеньки, какой анахай безрогий! – заметил Лука, присвистнув. – Наш вроде, живёхонький.

Фрол, не выпуская из руки топор, указал на бревно.

– Ну садись, погрейся. Давно уж поди в чапыжнике по-волчьи лежишь.

Никита поджался к огню и сунул озябшие ладони едва ли не в самое пекло. Мужики с интересом разглядывали его. В свете костра их красные рожи походили на деревянные, обмазанные жиром лики идолов.

– Рассказывай, кто таков, – велел Фрол. – Мы гостей в такой час не ждали.

– Заплутал я, мужички, – бойко начал врать Никита. – Утром как от охотничьей артельки отбил, так и мыкаюсь здесь.

– Далек ли артелька твоя?

– Вверх по Эхе-Угунь пошла. А я изюбря раненного через перевал гнал. Спустился и заплутал тут на болотах, – Никита в сердцах опустил руку. – И зверя упустил, и сам чуть не сгинул.

– А сам откудаво?

– С долины. А в ущелье монашеской братии помогаю.

– Монашеской? – удивился Фрол.

– Мы на реке, там где источники целебные, православную пустынь возводим. По указу архиепископа Нила работу ведём. Он велел место обустроить, чтобы люди божьи молились в уединении и хвори лечили. Хорошее дело!

Фрол кивнул, делая вид, будто понимает, о чём речь.

– А вы, как видно, не местные?

– И мы заплутали, братья! – признался Фрол. – Тока не сегодня. Уж два месяца как по горам слоняемся. В чашу плохую попали, вот горе и помыкаем. Мурцовки хватили, аж до слёз! Пока решили здесь обосноваться – от знающего человека помощи ждать.

– Два месяца! – изумился Никита. – Ну так не мудрено дело. Здесь можно годами никого не встретить.

Лука всё время молчал, как-то воровато водил зенками. «Видно до сих пор опасается, что я леший», – подумал Никита. Что это его сегодня все за нечисть принимают? Рога что ли отросли?

– Сголодал, поди? – спросил Фрол. – Вон супа поешь. Анагдашный, правда, – утром ещё делали, но авось не испортился.

На огонь поставили обросший сажей котёл. Внутри что-то зашипело, забулькало. Потянуло тяжёлым запахом переваренного мяса.

Никите вручили долблёную чашку, он жадно накинудся на варево. Мясо было с лёгким душиком.

– И ружьишко было у тебя? – поинтересовался Лука.

– Было, – бросил Никита с сожалением. – Не уберёг, в реку сронил.

Лука несколько раз кивнул головой, как курица.

– Вас-то самих как угораздило? – спросил Никита.

Мужики переглянулись, словно нашкодившие детки.

– С геологами мы ходили, разведку вели, – начал Лука. – В туман как-то попали и растерялись. Мы вот с Фролушкой нашлись. Был ещё Яшка с нами, да помер – не выдержал мытарств. В общем, такого натерпелись, что супостату не пожелаешь.

Никита хмыкнул, поднял какой-то прутик и поковырял в костре.

– Ну вы и забавники! – усмехнулся он. – Кто по горам полгода ходит, когда каждая речка вниз ведёт? Иди себе по воде – придёшь рано или поздно.

Лука вскочил на ноги, но тут же присел обратно.

– Ты, малой, думаешь, большеголовый такой, будешь сейчас старших учить? – с упрёком сказал он. – У тебя ума три гумна, а мы, дурни, без тебя-то и не знаем, куда реки текут!

– Ну так чего не вышли? – огрызнулся Никита. – Разведку вели?

– Ахти-мнёшеньки! – воскликнул мужик, глядя на Фрола и, обернувшись к Никите, продолжил: – Ты по лабиринту ходил? Нет! И я не ходил, чего уж... Однако знаю: если левой стеночки держаться и налево поворачивать, то однажды и выйдешь. Но до этого и весь лабиринт обойти придётся от и до. Если жизни хватит, то и выберешься, а скорее всего – сгинешь на полпути. Это тебе не мутовку облизать! Вот и с речками твоими также. Думаешь, мы по ним не хаживали? Мы со стороны Китою хотели горы перейти, чтоб в долине вашей оказаться. По речке какой-то подымались, потом в цирк зашли, перевалили и стали по другой реке спускаться. Петляли, петляли и снова к Китою вышли! Потом опять так же, но по другим рекам.

Никита молчал. Лука глазел на него в упор, а в карих глазах приплясывали отблески костра.

– Ты, пустомеля издогадливый, взрослых учишь, а сам-то заплута-ал! – издевательски протянул мужик.

– Мне бы к речке выйти. Сегодня до темноты не успел, так завтра выйду и спущусь.

– Спустится он! Куда река бежит-то, знаешь? В долину или ещё куда?

– Значит, по реке вверх пойду! Там я дорогу до перевала знаю, не сплутаю больше.

Лука вздохнул с видом утомлённой бабы и ничего не ответил.

– Дома-то от бати попадёт? – спросил Фрол. – Ружьё потерял, сам чуть не пропал.

– Нету бати у меня. С Кириллихой живу. Мачеха это, только с батей не зналась.

Никита поднялся.

– Куды собрался? – насторожился Фрол. – В обидку пошёл?

– Вот ещё! До ветру схожу и вернусь.

– Погодь! Не ходи в ту сторону.

– Чего так?

– Там ручей, мы из него воду берём. Нагадишь ненароком, – он указал рукой в противоположном направлении. – Туды двигай, мы там справляемся.

Никита побрёл в кусты. Странные эти мужики. И безобидные вроде, но что-то не договаривают. История у них явно не складывается: то с геологами разминувшись, то почему-то к Китою никак не хотели спускаться. С чего бы? Наверняка варнаки какие-нибудь. Беглые. Потому и Китою сторонятся, и в Тункинскую долину боятся выйти.

Вернувшись, он снял промокшие ичиги и насадил на рогатины у огня. Хотел было портянки посушить на горячих камнях, но не решился – очень уж стойкий аромат пойдёт.

Лука тем временем набрал воды в другой котелок и стал готовить чай.

– Всю дрянь уже поназаваривал, – ворчал на него Фрол. – Что на этот раз?

– Ишь ты – «дрянь»! Всё самое лучшее в округе собираю, – возмутился мужик. – То башмачки заварю, то смородинку. Волчью травку бросаю. Все они травы пользительные!

Чай быстро поспел. Лука передал кружку и Никита с жадностью хлебнул отвар. Он обжег губы и похлопал по рту ладошкой – так делала мать.

– Кириллиха-то твоя хороша? – спросил Лука.

– Хороша, коли спит или дома нет, – буркнул Никита в кружку.

– Да я не про то. Красивая?

– Красивая. Лешего по ней рисовать – самое то.

Никита вспомнил дом и понял, что даже сейчас его к мачехе не тянет. Не его это место, не его. Найдётся ли когда-нибудь такое место, где он своим станет? Может быть то место, что на три аршина в землю уходит?.. Эти мысли нагнали тоску. Вот сгинет он в тайге, и никому ведь грустно не станет.

– Ты нас, братья, к людям выведешь? – спросил Фрол. – Мы тебя пригрели, откормили. Отплатишь добром?

– Ну а куда я денусь? Хочешь, не хочешь – всё равно возвращаться. Почему бы и вас не прихватить? Мне бы только речку найти, чтобы ориентир держать.

– Речка тут рядом совсем. Сажень сорок ты не дошёл.

Отогревшись и придурев от дыма, Никита почувствовал, как напирает усталость. Веки смыкались, голова то и дело падала на грудь.

– Давай-ка, спи-ложись в балаганчик, – предложил Лука. – Вон, зенки уже закатываются.

Никита упал на настеленный лапник и, точно в болоте, увяз в тревожном сне. Время от времени ему мерещилось, что ноги загорелись от близкого огня – это мозоли и ссадины пылали жаром. Он просыпался и тут же нырял обратно. Голова кружилась даже во сне.

Открыв глаза в очередной раз, он глянул на мужиков. Фрол и Лука ещё сидели у огня. Они переговаривались шёпотом, по очереди вкладывая губы друг другу в ухо. Ну прямо влюблённые на сеновале!

Глава 6

Предгорный лес медленно, с неохотцей просыпался. Со стороны реки нанесло туман – он укрыл всю поляну с дымящимися остатками костра и разбросанными тарелками.

Никита пробудился от холода. Свернувшись личинкой, он цеплялся за остатки ночных грёз. Фрол лежал рядом, вытянувшись, словно в гробу. Его ноги, обутые в потёртые сапоги, торчали из балагана. На земле у костровища съёжился Лука, весь покрытый серебристой золой, – он точно бабу обнимал лежащий под боком нагретый камень.

Никита понял, что уже не заснёт. Он натянул ичиги и отошёл справить нужду. Вспомнилось, как вчера его постерегли ходить к ручью. «Пойду гляну», – решил он и двинулся через туман.

Землю с другой стороны поляны устлала жёлтая листва, кое-где тронутая плесенью. Сизые поганки росли на расстоянии нескольких аршинов друг от друга – будто разобиделись. Промеж кустов жимолости вяло струилась вода – такое и ручьём-то не назовёшь. Блестели запрудки и лужи.

Никита протиснулся через цепкие кусты и нашёл основное русло. Котелок в такой ручей конечно не окунёшь, но кружкой можно набрать воды.

Он присел, зачерпнул ладошкой воду и вдруг заметил небольшую запрудку – ниже по течению. Что-то в ней лежало – такое, чего здесь быть не должно. Никита сделал шаг в туман и теперь понял, что это. В запруде плавали куски человеческого тела – две отрубленные руки, нога со срезанным на бедре мясом и часть спины, с оголёнными рёбрами. Жёсткая проточная вода уже выбелила некогда красную плоть.

Сначала Никита обомлел, затем начал пятиться. Он отступил на несколько шагов, прежде чем наткнулся спиной на что-то мягкое. Он обернулся и понял, что «мягкое» – это живот Луки. Мужик стоял с конфузливой физиономией и тёр глаза грязным кулаком.

– Что ж ты, малец, взрослых-то не слушал, – сказал Лука, оглядывая Никиту. – Велели же к ручью не ходить.

Он проворно нагнулся и обхватил мальчишку, как охапку сена. Никита почувствовал запах гнили из его рта. Чужая борода щёткой упёрлась в лицо.

– погоди ты, не брыкайся, – приговаривал Лука, сжимая хватку. – Сейчас сдавлю покрепче и всё, утомнишься. А там...

Длинные жилистые руки скручивали тело. Никита понял, что уже висит над землёй, бултыхая ногами, а голова кружится – не то от ужаса, не то от нехватки воздуха.

– Тихо, тихо, малец, – жарко шептал мужик в самое ухо. – Грех на душу опять взять придётся. погоди ты, погоди...

Никита пытался кричать, но грудь пережали, весь воздух из неё выдавили, как сыворотку из творога. Кое-как он задрал ногу, упираясь коленом мужику под рёбра, и нащупал нож за голенищем. Онемевшей рукой он схватил костяную рукоять и без замаха пихнул лезвие в живот Луке. Ранил он мужика или нет – не понятно: затёкшая рука уже ничего не ощущала, да и есть ли в ней ещё нож? Никита тыкал наугад, пока схватившие его руки вдруг не ослабли. Он выскользнул из объятий и мешком свалился на землю. Лука остался стоять. Мужик неуклюже, как великан, переминался на растопыренных ногах, трогал себя за пузо и с отвращением осматривал кровавые ладони.

– Ахти-мнёшеньки... Пресвятая Богородица... – пробормотал он и завалился. Голова с всплеском окунулась прямо в запрудку с человечинной.

Никита ловил воздух ртом. Каждый вдох отдавался режущей болью. Неужели рёбра сломаны? Он нарочно не глядел на запрудку, даже старался не думать о том, что в ней хранится, но страшные мысли пробивались в голову. Вспомнилось и переваренное мясо, которое он жрал вечером у костра.

Он сунул нож за голенище, поднялся на хлипкие ноги и заковылял прочь. Нужно бежать к реке. Она в сорока сажнях от лагеря. Дойти до поляны, прихватить топор, может быть огниво найти, и дальше, пока второй не проснулся.

Фрол и вправду спал. Топор обнаружился неподалёку – кто-то из мужиков вогнал его в смолистую сосну. Вытащить его у Никиты не хватило сил – топориче даже не шелохнулось. Чёрт с ним, будешь копать – только мужика разбудишь. И огниво искать не стоит: Бог знает, есть ли оно вообще.

Тут он заметил котёл. По стенкам тянулась кайма серой накипи, желтели застывшие жирные разводы. От приступа тошноты свело нутро. Никита вскрикнул от пронзительной боли в рёбрах.

Спящий Фрол беспокойно зашевелил ногами, словно ему снились танцы.

Бежать!.. Никита кинулся прочь от поляны, туда, где должна течь река. Он мчался пол-минуты, но к берегу так и не выбрался. Неужели варнаки обманули? Наверное, подозревали, что гость сбежит.

Вырвавшись из леса, он едва не свалился с крутого склона. Внизу бурлила речка. До воды спускаться сажен десять. Или падать...

Никита пригнулся, упёршись ладонями в дрожащие коленки, и огляделся. Путь поверху совсем непролазный: сухие кусты, поваленные деревья, изгрызенная линия обрыва со свисающими кусками дёрна. Спуститься к самой реке и двигаться по шатким камням? Это конечно проще, но отсюда, сверху, берег далеко просматривается. Подойдёт Фрол к обрыву и тут же приметит беглеца. Нет, нужно нырять в заросли, в самую глушь, как раненому зверю.

Хрустнула ветка, и к обрыву вышел Фрол. Мужик повернул голову и заметил Никиту.

– Это ты, братя, шарахаешься, – спокойно заметил он. – Я думал, опять кто-то пришлый.

Он с удовольствием втянул утренний воздух и почесал брюхо.

– А ты чего такой загнанный? От чёрта бегаешь?

Никита нерешительно замер перед кустами – и вправду как загнанный зверёк.

– Замёрз, – песочным голосом пояснил он. – Пошёл дрова искать. Заодно глянул, где тут река.

– А Лукашка где?

– Видно тоже по дрова пошёл.

– Чего так? С вечеру ещё истопля осталось, – тут Фрол внимательно оглядел Никиту и почти с испугом спросил: – Что это с тобой, а? Как будто в крови весь, – он подступил на пару шагов. – И впрямь, вся одежда кровавая!

Никита молчал. Мужик повёл носом, прям как собака.

– Где, говоришь, Лукашка?

Никита отступил к обрыву и глянул вниз. К реке тянулся крутой земляной склон, вперемежку с каменными россыпями, поверху украшенный бахромой коричневых корней.

– Яшку нашёл, – понимающе сказал Фрол и сделал шаг вперёд.

Отступить Никите было некуда, он балансировал на краю обрыва, ухватившись рукой за сухую ветку.

– Не бойсь, пацан, не забiju, – сказал мужик. Он наступал осторожно, чуть опустив руки – словно зазевавшуюся курицу собирался поймать.

Никита свободной рукой достал нож.

– Да не дури, – мягко сказал Фрол. – Думаешь, мы Яшку сгубили? Нет. Изверги мы, по-твоему, последние? Лукашку спроси, он подтвердит.

– Нет его больше, – сквозь зубы процедил Никита. – Видишь, нож в крови? Подойдёшь, и твоей добавится! Я тебя с собой в кручину уволочу.

Тут случилось нечто непредвиденное. Фрол остановился, устало сел на землю и схватился руками за голову, будто пытался оторвать её от плеч. По грубому лицу побежали слёзы. Варнак заплакал как девка, с отчаяньем дёргая себя за космы.

Несколько секунд Никита ошарашено глядел на мужика, затем втолкнул нож за голенище и сделал шаг с обрыва. Всем телом он скользнул по каменистой почве, загребая руками сыпучу. Земля забивалась под одежду, попадала в глаза и рот.

На середине склона, где начинался более пологий подступ к реке, он поднялся, задрал голову и увидел Фрола. Взлохмаченная башка высунулась из-за кромки рыжего дёрна, затем появились руки, сжимающие булыжник размером со среднюю репу. Мужик прицелился и запустил камень. Никита едва увернул голову, булыжник вскользь ударил в плечо и сбил с ног. От боли и страха Никита потерял сознание и тут же пришёл в себя, окунувшись в ледяную воду.

Дыхание перехватило. Тело сковало. Шум такой, словно табун лошадей мимо проносятся. Грохочущее течение перевернуло, потащило, швырнуло спиной на камень, ткнуло голо-

вой в склизкое бревно. Где дно, а где поверхность? Уже и не разобрать. Со всех сторон, как в гуще пьяного побоища, сыпались удары.

Очнулся Никита на берегу. Его лоб упирался в прохладную гальку. Нога подвернулась под нанос из мелких стволов. Он высвободил ногу, откашлялся и немедленно пополз по камням – прочь от холодных волн. Сколько он пролежал без чувств? Как далеко его пронесла река? Наверняка совсем немного, иначе живым бы не выбрался. Стало быть, Фрол где-то рядом.

Никита отполз подальше от берега, забрался в лес. Тело не слушалось, пальцы коченели. «Сдохну, но поползу дальше, – решил он. – Пускай варнак догонит и камнем пришибёт. Пускай сожрёт, как они Яшку своего сожрали. Всё равно буду ползти, даже если из шкуры вылезу».

Пальцы зачерпывали липкую землю, цеплялись за торчащие дуги корней. Никита полз, не замечая ничего, натываясь головой на стволы деревьев, подминая траву, царапая щёки о кусты. Когда силы угасли, он уронил лицо в пахнущий грибами мох.

Глава 7

Опять резкая боль в левом боку – там, где сломаны рёбра. Никита открыл глаза и осмотрелся. Он лежал на перине из влажного мха. Солнце широкими полосами пробивалось сквозь кроны и грело спину. Поляна багровела спелой брусницей – ягоды столько, что иголкой ткнуть некуда.

Он приподнялся на локтях и подпёр спиной листовенницу. Подступала тошнота, ручьём текла солёная слюна. Всё тело изнывало от ушибов, жутко болела левая нога. Морщась и тяжело дыша, Никита просидел несколько минут, а когда боль немного унялась, осмотрел ногу. Левая икра распухла и не позволяла стянуть сапог. Никита сунул руку за правое голенище. Нож всё ещё был там.

«Кривун» – так он прозвал своё оружие. Этот ножик, с изогнутым лезвием и чёрной рукояткой, ему достался от ссыльного поляка, которому Никита подремонтировал телегу. «Кривун» всегда был при нём. Даже дома, укладываясь спать, Никита помещал нож в изголовье.

Он надрезал голенище, стянул ичиг и бережно ощупал ногу. Все кости как будто целые, но ниже колена спускалась глубокая ссадина, обрамлённая свинцовой припухлостью. Пробовать вставать слишком рано, лучше немного выждать.

Никита перевалился на бок и чёрными от грязи пальцами натолкал в рот брусницы. От кислой ягоды свело скулы, он запил её, выдавив струйку из мха. Жижа отдавала баннным веником.

Этот мох согдится и на целебный компресс. Многие знахари лечили им ушибы и опухоли. Никита разгрёб ямку, сунул туда левую ногу и щедро обложил мхом. Вскоре боль стихла, и он заснул.

Солнце ещё не спряталось, когда он открыл глаза, только лучи, проникающие сквозь растопыренные руки деревьев, изменили угол. «Почему же Фрол меня не отыскал? – подумал Никита. – Наверное, решил, что я утоп. А может, унесло меня далеко, и мужик ещё не успел добраться?»

Страшно хотелось пить, но при мысли о горькой выжимке подступала дурнота. Уже кишки мхом тронулись. Так и душа станет замшелой.

Никита подполз к разлапистому выворотню, в ложбине которого блестела лужа, и сделал несколько глотков. Напившись, он ощупал колено. Похоже опухоль спала. Опираясь на поваленный ствол, он попробовал пройтись. Каждый шаг отдавался болью под левым коленом. «Если объявится Фрол, никуда я не денусь, – обречённо подумал Никита. – Позабавится со мной варнак, как кот с подбитым воробьём».

Он выпил из лужи – впрок, съел горсть брусницы и надолго провалился в сон. Когда открыл глаза, сумерки уже ютились под деревьями. И на душе было мрачно. Что делать, когда ночной холод станет цепляться?

Никита надел ичиг на распухшую ногу, портянкой замотал колено. Вот бы костерок развести! Даже при мысли об этом стало теплее. Он обшарил карманы. Никакого кремня, конечно, не оказалось, зато нашлись крошки от сухаря, да израссолёная половинка пряника, которую собирался съесть ещё позавчера. Закинув в рот остатки съестного, Никита огляделся.

В десятке аршинов от него лежала поваленная берёза. И не берёза даже, а почерневшая труха в объёме бересты. Он выпотрошил дерево и выстелил коричневое нутро лапником. Сверху накидал сосновых ветвей. Неплохая получилась берлога. Будь он косматым зверем, заночевать в такой – милое дело. Но меха на нём маловато – даже по-человечески толком не опушился.

Солнечные пики, пронзающие чащу, уже налились кровью сибирского заката. Остолбеневшими рукастыми чудовищами нависали деревья. Сумерки стояли долго, затем, как по распоряжению свыше, небо погасло. Озябнув, Никита пополз в своё логово. Поначалу берестяная нора была не теплее иордани, но скоро жар от тела накопился. Лишь голова мёрзла: надо было законопатить выход.

Уснуть не получалось. Никита лежал и вдыхал запах древесных внутренностей.

А лес снаружи оживал. Духи выбирались из дневных убежищ, топтали усталенную мхом почву, шевелили ветки, спотыкались, бубня и матерясь. Что-то звенело и посапывало. Сучья трещали вдалеке, а с неба, будто снег, сыпались отголоски чужих разговоров.

Страха у Никиты не было, словно холод выстудил все чувства. Страшно было только от того, что время тянется ужасно медленно, а сон всё не приходит. Холод лизал ноги. Свернуться бы в клубок, обхватить руками колени, но береста держит тело, как блин начинку. Никита вспомнил истории про охотников-тунгусов, которые отправлялись в тайгу без припасов и снаряжения. Пищу тунгусы добывали в лесу, а ночевали, завернувшись в мох. И он бы завернулся, будь здешний мох сухим.

Никита совсем продрог. Он превратился в громадную берёзу, несущуюся по быстринам и перекатам реки. Устав от тряски, он выбрался наружу, и размял промёрзшие конечности. От его возни корпус бересты разошёлся широкими кольцами.

Стояла безмятежная лесная тьма. Звёзды, рассыпанные между кронами, были теми же, что и в долине. Они казались родными. Их свет не грел, но вселял надежду. Привычный мир ещё существовал. Он был недалеко и ждал возвращения Никиты, как пёс дожидается хозяина.

Никита проковылял до лужи, напился и вскарабкался на ложе из торчащих корневищ.

Вдруг он ясно ощутил, что за ним наблюдают, и с замиранием сердца повернул голову. За ближайшими кустами блестела пара любопытных глаз. Никита разглядел острую мордочку с круглыми ушками. Колонок, держась на почтительном расстоянии, подёргивал носиком, перебирая запахи.

– Живёшь ты в лесу, колонок, без костра и ружья, – тихо сказал ему Никита. – И я не сдохну – выберусь.

Маслянистые глазки скрылись в темноте.

– Пусть моя шуба тонка, а дом из бересты, но и я переночую, – продолжал Никита, таращась в тёмный лес. – Мне бы до утра дотерпеть, а завтра к логову варнаков поползу. Подкрадусь – и ножом по горлу. Буду у костра греться, раны лечить. Ты уж им про меня не говори, колонок. Я как и ты – из норы выбрался.

Колонок – кровожадный зверь, хоть и мал. Он может и зайца поймать, и глухаря, и куропатку. «Вот и я здорового варнака не убоюсь, – лихорадочно думал Никита. – В глотку если надо вгрызусь». Он вспомнил, как прошлым утром зарезал Луку. Сожалений по этому поводу не было, ничто не скрежетало по сердцу. Да, заповедовал Господь не убивать, но ведь Никита

от смерти спасался. И убил-то не человека, а варнака-людоеда. За такого, как за растоптанного паука, сорок грехов простится.

Вновь стала принимать дрожь, но забираться в кольца бересты не хотелось. Никита улёгся на кучу лапника, прикрылся двумя большими ветками и уснул.

Тьма не спеша пятилась. Заря прокатилась по макушкам деревьев, словно верховой пожар, но под самыми густыми ветвями ещё прятался холодный морок.

Проснувшись, Никита выбрался на открытое место, подставил бока свету. Тело сделалось деревянным. Одежда встала дыбом, точно накрахмаленная. Никита был жив, но всё тепло из него вынули. И душу, должно быть, тоже. Бесчувственное сердце качало не горячую кровь, а какой-то студёный рассол, которым в пору с бодуна полечиться. Он стал живым покойником, с ног до головы усыпанным жёлтыми иглами.

Опухоль на ноге уменьшилась. Никита соорудил из рогатой ветки костыль, позавтракал кислой ягодой и двинулся в путь. Шагалось тяжело, зато вернулась жизненная теплота.

Места были нехорошие, лешачьи. Деревя росли вкривь и вкось. Попадались вывернутые колоды, измятые кусты голубицы – явные признаки хозяйничающего в этих краях медведя. Сейчас, по осени, косолапый не должен сердчать с голодухи и кидаться на человека. Скорее всего, почует запах и отойдёт в сторонку, уступит дорогу.

Капли спадали с веток, стучали по макушке, будто укоризненный палец.

Выбравшись из болотистой пади, Никита ступил на упругую, присыпанную хвоей почву. Солнце, аккуратное, как пасхальное яичко, выглянуло из-за сопки. Под его чарами от земли поднялся колдовской туман.

К реке Никита так и не вышел. Петляя в тумане, он устал как чёрт. Туман уже блуждал в голове, застилал глаза, оставлял на языке привкус мухоморов.

Никита упал и каркнул от боли в рёбрах. Растревоженная ходьбой нога страшно болела. Ныло плечо, принявшее на себя брошенный Фролом камень. Никита отогнал приступ жалости. Незачем сырость разводите. Кроме гибели это ничего не даст. Он вспомнил хитрое лицо Батохи. Неужели прав был бурят? Неужели духи местности кругами водят? Мучают непроходимой чащей и туманом. И это за то, что Никита обряд делать отказался? Так ведь он поручение отца Зосимы выполняет. Это послушание его. Правильно сделал, что к шаману не пошёл. Где это видано, чтобы православный духам жэмхег подносил и рожи идолов кровью мазал? Господь бескровную жертву заповедовал.

Перед глазами предстал раскосый отшельник. Вот ему Никита припасы доставил. Может тем самым и подношение сделал? Тогда, выходит, Зосима его на грех отправил. Для чего? Чтобы самому с бесами не бороться, для чего же ещё! А может священник дело богомерзкое предложил, чтобы веру Никитину испытать? А он продался, как Иуда, за пять рублей в месяц. Значит, сгинет в тайге, одними кукушками отпет будет.

Пока тёмные мысли не заклевали, Никита поднялся, сунул костыль под мышку и зашагал дальше. Он выбирал направление, ведущее под уклон – рано или поздно эта невидимая дорога приведёт к реке.

Нет, не поддался он искусу! И с отцом Зосимой торговался не оттого, что прижимистый или корысть имел. Обидно ему стало, что поманили, как глупого щенка косточкой. Запугали службой у Спицына и велели делать что надо. С Алёшкой поди не всё так просто выходило. Люблин наверняка свои условия ставил, с ним считались. «И со мной будут, – убеждал себя Никита. – Вернусь – своё слово скажу. Под мою дудку попляшут!»

Впереди, словно раззадоренная девка, защebetала река. Никита вышел к воде и первым делом напился, окунувшись лицом в звенящий поток. Речушка была узенькой – её легко можно перескочить по камням, не замочив ноги. Но и такая маленькая обязательно приведёт к пол-

новодному руслу. Никита двинулся вниз по течению, втыкая костыль меж камней. Рядом с рекой шагало веселее. Если прислушаться, так в шуме воды можно различить что угодно: хохот девичьей компании, ржание лошадей, натужный звук пилы, уханье берёзовых веников.

Туман развеялся. Плечи ощутили жар полуденного солнца, будто кто-то большой и добрый по-отечески водрузил на них ладони. Если бы не боль в ноге... Никита останавливался, утирал пот с разгорячённого лба, жадно пил из речки. «Дойду до стрелки – непременно передохну», – решил он.

И вдруг река закончилась. Она нырнула под каменную гряду и уже не появлялась с другой стороны. Далее тянулись мелкие криницы, а за ними – сухое русло, переходящее в марену. Даже шум потока утонул глубоко под землёй. Вот тебе и путеводная речка! Никита прошёл ещё немного, убедившись, что вода не выскакивает на поверхность.

Вслед за рекой пропали и силы. Никита улёгся в тень под деревом. Отдохнув, он собрал лопухов ревеня, начистил несколько черешков и съел. Сразу потяжелели веки. Может отоспаться сейчас, пока тепло? Если к вечеру он никуда не выберется – придётся ковылять в темноте, чтобы не замёрзнуть. Вторую ночёвку в норе из бересты можно и не пережить.

Никита закрыл глаза и ничего кроме темноты не увидел.

Глава 8

Он снова оказался в лесу из мёртвых деревьев, похожем на тот, что в долине. Здесь деревья были выше и старше – видимо, и покойники соревнуются меж собой. Никита неуклюже переставлял костыль, а серые скелеты тарасились на него тёмными дуплами. В пересохшей почве зияли заброшенные бурундуковые норы.

Как-то знахарь объяснял Никите, почему белки сбегают из одного леса в другой, почему крупная норка прогоняет колонка, занимая его жилище. Это нечисть в карты играет. Соберутся лешие с кикиморами в тайном месте, перекидываются картишками, а на кон мелкую живность ставят. Проиграет, скажем, леший белку – зверь его угоды покидает. Похоже, здешней нечисти крупно не повезло... «А может леший издох?» – подумал Никита и содрогнулся. Умерший леший – в этом было что-то необъяснимо страшное.

Склон гулял и вверх, и вниз. Мёртвому лесу не было конца. Солнце кружилось, как на карусели. Наверное, он и сам давно ходит кругами. Никита споткнулся, упал и неожиданно для себя заплакал. Проклятый лес, проклятый! Слезы размазались по сухим корням. Вот бы как в сказке: ожило дерево от спячки и указало ветвями дорогу. Но нет. Это не сказка, а кошмар. Безумный, отвратительный кошмар, начавшийся три ночи назад.

Утирая сопли, Никита поднялся, подмял под себя костыль и упрямо зашагал дальше. Он пытался вспомнить хоть одну молитву, но слова выскальзывали из головы, как тыквенные семечки. Мёртвые деревья не просто смотрели на него, нет. Они высасывали мысли, изголодавшись по думам за много лет. Человеческая жизнь могла бы заменить им воду, и они это чуяли. Никита старался не глядеть в дупла – холодные проруби, ведущие напрямик в загробный мир.

Скоро он выбрался на склон, покрытый жердянками – высокими, почерневшими от пожара стволами. Некоторые из них надломались у основания и устало прилегли на соседа. Внизу под склоном бежала речушка. Не та ли самая, что под землю нырнула?

Никита спустился, заглянул в мелкую заводь и ужаснулся от собственного отражения. Из воды смотрело покосившееся чучело, которое впору на масленицу сжечь. Волосы щёткой торчали вокруг распухшей хари, по обе стороны от носа – длинные острые синяки, как пятна на морде у борзой. Губы излопались, превратились в еловые шишки.

Смочив лицо водой, он пошевелил челюстью – вместо молитвы. Слов не было, все они остались в мёртвой роще.

Небо в раскладке между двумя сопками поблекло. У горизонта его перечеркнула багровая прожилка, будто кто-то вспорол небосвод. А сверху, над красной полосой, уже блистала первая звёздочка – планета Венера.

Костыль давно выпал и остался бултыхаться на мелководе. Никита в состоянии одурения брёл прямо по реке, не замечая боли, упираясь руками в холодные камни. Он уже не соображал, вверх идёт по течению или вниз. Это его последнее странствие, и река, как чёртова тропа, вела к неминуемой гибели.

Стемнело, и к одинокой Венере присоседились другие звёздочки. Река вступила в каньон, по обе стороны выросли сыпучие откосы. Никита глянул вверх и различил слабое зарево. Неужели костёр? Костёр! Он вышел на берег и пополз по осыпающемуся яру. Уже было всё равно, кто у костра – варнак-душегуб или Гурьян с ружьём.

Наверху оказалась полянка, будто тыном обведённая кольцом разлапистых ёлок. В центре раскорячилась изуродованная временем лиственница, под ней курился костёр, углом лежали две иссохшие коряги. Возле огня сидел человек, по-зимнему одетый в иманью доху. Мужик ёрзал и жался к пламени. От одного его вида делалось зябко.

Никита выбрался из тьмы и бухнулся на корягу. Мужик ничуть не удивился его появлению, будто давно поджидал гостей. Ему было лет пятьдесят. Щёки подернулись сизой щетиной, на переносице – глубокий шрам, половину головы захватила лысина.

– Поспорил я вчера на Посольском соре с бабой одной, – сказал мужик, без всяких предысторий, – с каркалыгой, что омулем торгует. Спрашиваю её: «Сколь ангелов на конце иголки уместится?» А она знаешь что?

Никита молчал, исступлённо уставившись на огонь. Станный какой-то костёр: дрова в нём как будто не перегорают, а тепла не больше, чем от нарисованного.

– Посоветовалась каркалыга с попом в монастыре, – хихикнув, продолжал мужик, – и молвит: на иголку сколько хошь ангелов усадишь. Оттого, что все они – твари бесплотные и места не занимают. И проиграла спор! Ангелы и вправду могут любым числом разместиться, но самих-то их не бесконечное множество! Девятьсот девяносто девять миллионов, девятьсот девяносто девять тысяч, девятьсот девяносто девять штук – вот правильный ответ. Все, кого сотворил Бог и уместятся, кроме одного.

Он поёжился и спрятал руки под шубой.

– На что спор был, знаешь?

Никита молча повёл подбородком.

– Баба, поскольку проиграла, должна была титьку показать.

– Титьку? – удивился Никита. – Тебе?

– Зачем мне? Что я титьки бабской не видал? Кому-нибудь из монашеской братии.

– И что, показала?

– Показала! Ничего с ней не случилось. И раньше показывала.

Мужик замолчал и долго смотрел на Никиту блестящими зрачками. Уже совсем стемнело. Лунный свет подсвечивал сопку, ошетилившуюся редким лесом. Где-то внизу сонно всплескивалась река. Звёзды тускло поблёскивали на небе. Некоторые его участки прикрылись облаками, отчего казалось, что лишние созвездия упали вниз.

Никита не чувствовал холода. И не потому, что согрелся – просто перестал ощущать тело, превратившись в пень с глазами, в продолжение коряги, на которой сидел.

А мужик, видимо, согрелся. Он взял прутик и заточил его щербатым лезвием топора. У его ног стояла чурочка, сплошь заложённая срезанными поганками. Он взял один из грибов, посыпал крупной солью из жестяной коробочки, наколот на прутик и сунул в огонь.

– Другой случай был, в Троицкославске, – продолжил травить он. – Поселился я в доме одного таможенника. Всю ночь мы с ним брагу пили, а наутро его карачун хватил. Я представился сослуживцем и живу не тужу. Приезжают через недельку его родственники. Баба статная

такая и мужичок при ней – катышек катышком. Спрашивают: «Долго ли скорбеть будешь в чужом доме?» – «Ещё с месяцок погрузу, – говорю, – сороковины справлю, опосля съеду». Приезжают они снова, после поминок. Молвит баба: «Уезжай, милоч, мы дом сдавать будем». А я: «Придётся полгода потерпеть, чувствую, беспокойно душе почившего товарища, вот после следующих поминок и поговорим». Спустя полгода они вновь меня донимают. А мне страсть как неохота съезжать: уютно в домике, спокойно. «Хорошо, – соглашаюсь, – только десять воробьёв в дорогу наловлю и поеду». Баба с мужичком умилились. Через два дня вижу, как они к дому подходят. Выхожу во двор и начинаю руками над землёй махать. «Ну что? – спрашивают, – сколько воробьёв тебе осталось?» – «Первого, – отвечаю, – из-за вас только что упустил!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.